

А.Толстой, А.Старчаков
ПАТЕНТ
119

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

ЛП

Leo
2017

ПАТЕНТ 119

Пьеса и рассказ

А.Толстой, А.Старчаков

Патент 119

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Конрад Блех, 47 лет.

Анни Блех — его дочь.

Рудольф Зейдель, 27 лет.

Лукин Иван Михайлович — конструктор, 25 лет.

Торопов Семен Семенович — директор завода, 45 лет.

Ольга Захарова, 25 лет.

Корнев

Михайлов

Чикин

Забавный

} изобретатели.

Буровой — директор степного совхоза.

Гирко — его помощник.

Петька Беспризорный — сотрудник заводской газеты

Зеленый

Глушков

Никитина

Дядя Яша

Носов

Первов

Скобареv

} рабочие.

Мюллер — бухгалтер.

Б р и ц к е

Беккер

} Члены

завкома.

Липке — представитель служащих

Женщина-врач.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЕВРОПА

Внутренность виллы в стиле Корбюзье. Кабинет и музыкальный салон, разделенные аркой. Сбоку в кабинете — дверь. Из салона — лестница наверх, на площадку. Одна из задних стен — стеклянная, спускающаяся.

За ней — фабричный пейзаж.

В кабинете у окна стоит Рудольф. Папка с чертежами и шляпа валяются на полу. В музыкальном салоне Анни играет на виолончели.

Рудольф. Да... ноябрь... Ветер-то как подхватил мерзлые листья! Ужас холодно!.. Эге, бегут, падают... То-то, жить то надо... Вы не хотите отвечать, фрейлейн Блех? Ну что ж, уйди, Рудольф, уйди. Надежды нет... Изумительно придумана эта стеклянная стена — теплый воздух, запах цветов... Запах ваших рук, ваших волос... Волшебный замок... А, здравствуйте, здравствуйте!

Анни. Кому это?

Рудольф. Вороне. Моей единственной собеседнице. Села на ветку, кланяется. Холодно, черненькая? Что хочешь мне передать из того мира?.. Плохо? Земля умирает? Ну, лети, лети...

Анни. Слушайте, там — кофе на курительном столике.

Рудольф. То, что и нужно после бессонной ночи, — мокко. *(Пьет.)* Я работал всю ночь, мне чудилась мировая слава... и — вы, фрейлейн Анни. В этом шерстяном платье, холодная, пахнувшая цветами... Не буду, не буду больше!.. Так вот... *(Поднимает папку, кладет на стол.)* Передайте отцу: чертежи кончены. Вое, кроме воздушного охлаждения. Не для моей головы, конечно, — для нашего мотора... Не смешно — правда? *(Берет шляпу.)* Ухожу — вслед за вороной. До свидания.

Анни. До свидания, Рудольф.

Рудольф. Если понадобится Блеху, — я буду в мастерских. *(Уходит.)*

Анни *(одна)*. Все это довольно несносно.

Б л е х (*спускается сверху, держит книжку*). Не звонили, нет?

А н н и. Нет, папа, никто не звонил.

Б л е х. В сорок семь лет принужден изучать, как мальчишка, русский язык. Он вгоняет меня в неврастению: весь скользкий, весь зыбкий, весь вероломный — течет, как адская жидкость, между извилинами мозга... Я понимаю, почему у русских нет твердой морали. Это язык большевиков — язык нашей эпохи... Умоляю тебя, брось играть!

А н н и (*кладет виолончель*). Только что был Рудольф, принес чертежи.

Б л е х. А! Великолепно. Очень, очень кстати.

А н н и. Странный, весь на кончиках нервов. Болтает чушь. Опять объяснялся в чувствах...

Б л е х. Вот как! Ты что ответила?

А н н и. Ну, что я ему ответчу?..

Б л е х. Слушай, Анни. В двадцать четыре года девушке нужно быть замужем.

А н н и. Я была замужем, папа. (*Пауза.*)

Б л е х. Ты шутишь. Когда, Анни?

А н н и. У меня был любовник. В семнадцать лет, когда кончила гимназию.

Б л е х. Ну, дорогая моя... Новость!

А н н и. Я не обязана была посвящать тебя в эти мелочи. Я нашла это удовольствие слишком простым. Этот человек, по-видимому, был другого мнения, но...

Б л е х. Кто это — тот человек?

А н н и. Ты его не знаешь. Забавы любви меня не слишком развлекали. Я нашла это удовольствие деревенским.

Б л е х (*упавшим голосом*). Деревенское удовольствие...

А н н и. Не предъявляй прав отца, не будь моралистом, папа. Ты 'такой современный, такой эlegantный... Улыбнись. Папа!

Б л е х. Ах, я еще должен улыбаться!

А н н и. Но ведь это было (*свистнула*) бог знает когда.

Б л е х. Да, все-таки наше поколение не посвистывало. (*Пауза.*) Тебе нравится Рудольф?

А н н и . Право, никогда не задумывалась.

Б л е х . Дитя мое...

Отчески кладет ей руку на голову, она отстраняется.

А н н и . Лучше без „дитя мое“.

Б л е х . 'В голове у Рудольфа капитал в миллион долларов. И самое важное — в идеях, в единственной ценности, не подверженной инфляции. Что ты на это скажешь?

А н н и . Быть любовницей Рудольфа Зейделя?

Б л е х . Женой. С ума сойти!

А н н и (*раздумывает*). Папочка, привлекательны, в конце концов, какие-то острые эмоции... Ну, Рудольф... Он похож на немца из добродетельного романа. Шиллеровский темперамент, чувствительное сердце, — все, как полагается. Ты утверждаешь — он гениален. У него нет чего-то... Понимаешь, как человек, не умеющий носить фрак.

Б л е х . А! Какие теперь фраки! Чего ты хочешь — я же вытащил его из нищеты.

А н н и . Он никогда не говорит о своем прошлом.

Б л е х . Отец, кажется, был школьным учителем. После войны, конечно — нищета... Но все-таки Рудольфу удалось кончить политехникум. Работал у Круппа и вылетел из-за глупейшей истории. Вот вся его биография.

А н н и . Что за история? Политика?

Б л е х , Проповедывал какой-то слащавый вздор в стиле Жан-Жака Руссо. Мальчишка! Я встретил его в пивной, — карманы набиты чертежами, голова — фантастическими планами. Э, при чем тут происхождение! Хотел бы я иметь такого сына все-таки... Я не принуждаю, Анни, я слишком тебя люблю, бедная моя мышь.

А н н и . Не знаю, папа... тебя, быть может, устроит, если я соглашусь, а с формальностями, не будем торопиться.

Б л е х . Да, да. Умница. Спасибо, деточка. Ты — единственное, что меня привязывает к жизни. Сегодня мне особенно

нужна помощь. Сегодняшний день нужно перейти вброд по шею...

А н н и. Что случилось? Опять затруднения?

Б л е х. Случилось то, что самая реальнейшая реальность — разум — ставится под вопрос. Все разумное летит к чёрту... *(Стучит кулаком в стену.)* Я построил этот дом... Может быть, этих стен нет? Эти стены — цемент, сталь, стекло — существуют или только мираж?

А н н и. Бедный, бедный отец! Тебе нужно просто отдохнуть.

Б л е х. Я любил работать, — пропал вкус к труду... Накоплять. Какая чепуха! Чтобы в одно вот такое гнусное утро всё благополучие разлетелось вдребезги.

А н н и *(наливает ему кофе)*. Вчера в городе только и слышно: плохо, плохо! В магазинах никого нет, кино пустые...

Б л е х. Неужели, действительно, не звонили?

А н н и. Ты ждешь этих двоих, русских?

Б л е х. Да, в половине двенадцатого. Конечно, опоздают, как все русские.

А н н и. Они предлагают что-нибудь реальное?

Б л е х. Да.

А н н и. Почему ты не хочешь посвятить меня в дела?

Б л е х. Ребенок! Собери я всех наших знаменитейших экономистов, социологов, государственных мужей, профессоров и тайных советников, — что они скажут путного? Кризис—мировая загадка. Эту потрясающую новость сообщит любой журналистишка за кружку пива. „Вооружитесь-ка терпением еще годика три, добрейший господин Блех. Законсервируйте завод и займитесь игрой на корнет-а-пистоне“. Вот что посоветуют мне самые умные люди Германии.

А н н и. Так плохи дела?

Б л е х. Остается только чудо. Найдет ли возможным какой-нибудь архангел сделать так, чтобы бухгалтер Мюллер принес сегодня денег с биржи?

А н н и. О, боже, скучно! Вся жизнь сморщивается, как кожа на яблоке.

Входит Рудольф, взволнован.

Рудольф. Что у нас делается? Что произошло?

Блех. Доброе утро, Рудольф.

Рудольф. Простите, я не в состоянии быть вежливым. Доброе утро... Мне только что сообщили невероятные вещи: завод — под ударом.

Блех. Это зависит от курса сегодняшней биржи.

Рудольф. Так ставить дело нельзя, господин Блех. Так работать невыносимо. Простите, фрейлейн Анни... Я успокоюсь.

Анни: *(снимает с него шляпу)*. Снимем пальто, сядем, закурим...

Рудольф. Простите, простите!.. *(Блеху, повышенно.)* Агрегаты остановлены. Кочегарки потушены. Заморожена сталь. Рабочие собираются у конторы. Кто-то пустил слух, что сегодня расчет всем...

Блех. Не хочу вас огорчать. Но, боюсь, придется предпринять кое-что решительное.

Рудольф. Закрывать завод?

Блех пожимает плечами.

Не верю! Мировое качество наших моторов. Наши секреты, наши патенты. Нет выхода? Безумие! Не верю...

Блех. Э, никому наши патенты сейчас не нужны, старина.

Рудольф. Не верю.

Блех. Индустрия воткнулась в горло человечеству, как рыбная кость. Американские пасторы кричат, что в машине засел дьявол. Скоро мы все будем рекламировать ручной труд. Человек или машина — кто кого?

Анни. Я видела снимок с мадемуазель Ротшильд за прялкой. Мадемуазель Ротшильд сообщает, что появится в платье, сотканном ее руками.

Блех. Ну, немножечко перехвачено. Человечество, не рассчитав сил, прыгнуло слишком далеко вперед. Оно не в состоянии переварить всей продукции. Стало быть, немного назад, немного — к ручному труду, немножко прикосновения к

матери-природе... (*Указывая на стеклянную стену.*) Мы отгородились стеклянной стеной от этих веточек, простертых к небу, от этих птичек, поющих богу...

Рудольф. Бред, бред! Отказываюсь понимать.

Блех. Мой мальчик, — кризис. Неотвратимый, как стихия, непонятный, как начало вещей.

Рудольф. Завод закрыт. Самоубийство... Господин Блех, у меня осталась только проверка воздушного охлаждения. Ночью я закончил последние чертежи. Это будет грандиознейший переворот в сельском хозяйстве...

Блех. И мы сядем с этим мотором, как дураки. Сельское хозяйство сейчас мечтает о плуге, запряженном добрыми старыми волами. Голубчик, мы построили слишком много фабрик и заводов и расплодили пролетариев вдвое больше, чем нужно.

Рудольф. Значит, всех — на улицу, на панель?.. Что же вы предлагаете нашим рабочим? Голод? Что вы предлагаете человечеству? Назад? В пещеры?

Блех. Человечеству я предложил бы: из двух миллиардов голов — один миллиард изъять из обращения. Уверю вас, будет просторнее.

Анни. Все-таки жестоко так говорить.

Блех. Да, жестоко. Моровая какая-нибудь язва. Чума вместе с хорошенькой войной была бы неглупой штукой. Довольно слащавости! Честно: ровно половину отдаю за одну такую голову, как Рудольф.

Рудольф. Благодарю вас. Позвольте отказаться.

Блех. Мой мальчик, сердце мое ожесточено. Вся моя забота сейчас (*указывая на Анни*) — спасти ее...

Анни. Спасти вас, Рудольф, ваш гений.

Рудольф. Вы слишком добры, фрейлейн Блех.

Блех. Э, голубчик, зовите ее просто Анни. Я вас понимаю, старина, — вы человек большой совести. И вы, конечно, предпочли бы разделить участь тех, кто завтра поднимет воротник у биржи безработных.

Рудольф. Да, предпочту. Чем мне теперь жить? Зачем?

Блех. Долг, долг, Рудольф. Долг прежде всего.

Рудольф. Кому я должен? Отчеству? Нации? А! Мы заплатили все долги — за тысячу лет вперед. *(Берет шляпу.)* Итак, господин Блех, я свободен с этой минуты.

Анни. Рудольф, вы должны тем, кто вас любит, кому вы дороги.

Рудольф. Я дорог разве вон той вороне... Оставим это, фрейлейн Анни. *(Идет к двери.)*

Анни. Рудольф! *(Он останавливается.)* Не нужно сердиться на меня. Вы плохо поняли, о чем пели струны. Вы стояли у окна в отвратительном настроении, смотрели на ворон...

Рудольф. Мне не хотелось бы шутить в данную минуту, фрейлейн Блех... Постойте, постойте! *(Кладет шляпу.)* Кофе было приготовлено для меня?

Анни. А вы предпочли разговаривать с воронами.

Рудольф *(стучит ногтем в барометр)*. Здесь немного жарко. Парник, настоящий парник... *(К Анни.)* Что случилось — не понимаю.

Анни. Зачем всегда такая настороженность? Вы мнительны. Лучше верить.

Рудольф. Чему?

Заглядывает ей в глаза, она опускает голову.

Анни. Нет, лучше верить.

Блех. Дети, вы поворкуете вечером. Минуты считаны... Рудольф, завтра, быть может, мы с вами окажемся с поднятыми воротниками. И — надолго, невидимому.

Анни *(тихо, испуганно, с мольбой)*. Папа!..

Блех. Кризис продлится еще три года. Три года бедствий!

Анни *(рукой закрывая глаза)*. Воображаю — так гибнет корабль в ревущих волнах...

Блех. О, нет! Наш корабль выдержит бурю. Иначе... О, чёрт! Иначе я бы не стал бороться. За три года мы организуем железные силы... Рудольф, вы понимаете, — нужно собраться в

клубок. Временно я готов продавать спички на улице... но — Анни. Судьба этой девочки переворачивает мне сердце. Мы, как мужчины, должны сделать все, пойти на все, чтобы она спокойно прожила это страшное время. Что?

Рудольф. Я слушаю.

Блех. На случай окончательной катастрофы мы должны подготовить отступление... У меня есть одна лазейка. Все это сейчас зависит от вас, Рудольф. *(Роется в столе.)* От имени Анни я буду просить у вас жертвы...

Анни. Анни должна присутствовать? Может быть, ее можно извлечь от унижения... *(Идет на лестницу, на верхнюю площадку.)*

Блех *(Рудольфу)*. Видели — гордость. Ее особенно нужно оберегать.. *(Достает бумаги.)* Мой мальчик, я вас нашел, я вас открыл, дал возможность подняться...

Рудольф. Я всегда помнил это, господин Блех.

Блех. Вы помните хорошо наш договор?

Анни *(с верхней площадки)*. О чем ты спрашиваешь? Рудольф — романтик.

Рудольф. Я никогда ни на минуту не забывал о договоре.

Блех. Вы получаете триста марок в месяц, премии за каждое изобретение и полпроцента от заказов. За это вы обязуетесь передавать все ваши изобретения мне, директору завода, на мое усмотрение.

Рудольф. Да.

Блех. Превосходно. Пункт восьмой гласит: в случае патентования любого из ваших изобретений — патент берется на имя Конрада Блеха. Имя Рудольфа Зейделя в патентах не упоминается. Этот пункт, кажется, наиболее тяжел для вас...

Рудольф. Да.

Блех. Что поделаешь! Уничтожая свою личность, вы подняли завод на колоссальную высоту. Как незаметный солдат, серый герой. Но не думайте, Рудольф, что и мне не тяжела моя миссия — носить на себе чужую славу.

Анни. Рудольф... Примирение и понимание. *(Бросает ему*

цветок.)

Блех *(поднимает цветок, подает Рудольфу)*. Дама — странствующему рыцарю. *(Смеется.)*

Рудольф *(берет цветок, смотрит на Анни)*. Примирение и понимание.

Блех. Так вот: сто восемнадцать патентов Конрада Блеха — это сто восемнадцать гениальных изобретений Зейделя. Не мое — его имя должно греметь по всему свету. И я это сделаю. Я к этому иду.

Анни. Браво, папа! Ты всегда был элегантным человеком.

Блех. Ого, мы еще проживем! Срок договора истекает сегодня. Я предлагаю продлить его еще на три года — на тех же основаниях.

Рудольф. Еще на три года?

Блех. Как раз кризисное время... Голубчик, вне завода и без меня вы будете продавать спички на улице. Вам никто не поверит, что вы автор патентов Блеха.

Рудольф. Еще три года продавать самого себя?

Блех. Дитя мое, все — товар. И гениальность — товар.

Рудольф. Позвольте мне подумать...

Анни свистит на площадке.

Блех. Я принужден быть жестоким, мой дорогой мальчик. Вы сами поблагодарите меня когда-нибудь. Подписывайте.

Анни. Господа, кончайте эту тяжелую сцену!

Рудольф. Хорошо. *(Берет перо.)*

Блех. Внимательно прочтите приписку к договору.

Рудольф читает. Анни продолжает свистеть.

Рудольф *(тихо)*. Я не могу подписать.

Блех. К ста восемнадцати патентам вы прибавляете еще только один. В чем дело?

Рудольф. Этого патента я не могу отдать, господин Блех.

Блех. Почему?

Рудольф. Ничего лучшего я никогда не создам. Это моя главная, моя капитальная ставка.

Блех. Вздор, вздор! Шутя придумайте сотню еще и не таких штучек.

Рудольф. Шутя? Бессонные ночи, по двадцать сигар в ночь... Шутя! Вы сладко спите, господин Блех. У меня болят глаза, болит мозг. И вам к утреннему кофе — новый гениальный проект на блюде. Гениальный! Пусть это моя высокомерная глупость, — в такой глупости — тоже вдохновение. Я — есть я. Завтра — продавать спички? Пусть нищенство, голодная смерть! Но, понимаете, покуда не высунется язык, хочу повторять: это я, я, не призрак, не аноним, Рудольф Зейдель! Берите все, но этот — сто девятнадцатый — мой. Вы не знаете, о чем я мечтал, работая. Надежда... Хотя бы призрак славы... Призрак свободы... Все-таки я хочу большего, чем триста марок. Анни, мне трудно отказывать. Плунуть в самого себя... Зачеркнуть...

Анни. Какие тяжелые дни!

Блех. Голубчик, вы все воспринимаете слишком болезненно. Тяжелые времена. Выпьем кофейку.

Анни спускается по лестнице. Звонит телефон.

Блех (*бросается к трубке*). Биржа!

Анни, спустившись, заваривает кофе в электрическом кофейнике, потом достает из стенового шкафа бутылочку ликера.

Анни. Мне хочется кричать от боли... От боли; и беспомощности.

Блех (*в телефон*). Берите машину... Мюллер, я говорю, немедленно берите машину. Я жду. (*Кладет трубку.*) Надежды, кажется, никакой...

Анни. Это — с биржи?

Блех. Да. Общее падение.

Анни. Как же, папа?

Входят Л и п к е и двое служащих.

Л и п к е. Доброе утро, господин Блех.

Б л е х. Депутация?

Л и п к е. От служащих, господин Блех. Мы собрались в конторе...

Б л е х. Ну?

Л и п к е. Распространился тревожный слух...

Б л е х. Что контора не будет платить жалованья, что всех выкинут на улицу?

Л и п к е. О, господин Блех, мы не позволим себе даже подумать о таком ужасе!

Б л е х. Пойдемте, я поговорю... Мужества, мужества, господа! Что такое — повесили носы? Будьте мужчинами, чёрт возьми!

Блех, Липке и двое служащих уходят.

А н н и (*Рудольфу*). Два слова, о моем отце. Он испортился, он был лучше. Он растерян. Говорит глупости, шумит и в глубине понимает, что погиб. Мне его жалко. Мы с вами, Рудольф... О, жизнь впереди! Но папочка!.. Опять все сначала. Столько лет он карабкался вверх! И когда вот — свой дом, обеспеченная старость — крах... Быть может, придется расстаться даже с этим домом. (*Чокается.*) Ну, за что же?

Р у д о л ь ф. Простите меня, Анни, я недостойно раскричался.

А н н и. Руку! (*Встряхивает его руку.*) Забыто. (*Поправляет цветок в его петлице.*) Я не хочу, чтоб вы думали обо мне вкривь и вкось.

Р у д о л ь ф (*берет ее за руку*). Можно? (*Целует.*)

А н н и. Можно, конечно, можно. (*Кладет ему руку на плечо.*) Я беспомощная, я ничего не умею, — спорт, немного музыки. Я *потребительница* индустрии Люкс. Элегантная женщина из промелькнувшего лимузина. Правда? Ведь вы — так думаете обо мне?

Р у д о л ь ф. Бог знает, что вы говорите, Анни!

А н н и. Когда вы еще жили на чердаке и каждое утро на свет

разглядывали ваши единственные панталоны, вам чудилась подруга: честная блондинка, с душой возвышенной, как облако, и чистой, как источник. Вы искали Маргариту — и не нашли. Голубчик, их нет больше! После войны вы не заставите элегантную женщину, если она не голодна, пачкать руки и потеть во имя принципов и добродетели. Но зато мы умеем рассказывать сказки, — забудете человечество, лежа на подушке рядом с какой-нибудь пепельноволосой головкой. Двадцать раз назовете паразитом такую продувную мордашку, бормочущую напмаженным ротиком упоительный вздор. В двадцать первый честно сознаетесь: она вещественнее ваших бредней о человечестве.

Рудольф (*встал, отошел*). Издеваетесь, Анни, издеваетесь... Вы правы. Я не того еще заслуживаю.

Анни (*подходит к нему*). Нет... Рудольф, мне страшно... Мне страшно глядеть на ледяной ветер! (*На окно.*) Такая ничтожная защита — стекло. Швырнут камнем — и ветер подхватит... Я знаю, я знаю, что ждет: бродить по тротуарам, под фонарями... И — ветер до костей...

Рудольф (*обхватывает ее за плечи*). Что? Ну, что?.. Украсть? Убить?

Анни (*освобождаясь*). Налейте мне ликеру. (*Он бросается.*) Нет — коньяку... Как глупо — у меня истерика. (*Пьет, стуча зубами о стекло.*)

Рудольф (*овладевает собой*). Если нужна моя кровь, капля за каплей, — возьмите.

Анни. Кровь? Вы — фантастическое чудовище. Понимаете это?

Рудольф. Очевидно, вы — правы. Но в данном случае — не понимаю.

Анни. Не понимает... пытка!

Рудольф. Может быть, вам будет легче сказать прямо, что я должен сделать.

Анни. Женщина валяется у его ног. Приговор жизнь или смерть — от его согласил...

Рудольф. Согласия — на что?

Анни. Почему я знаю! Отец сказал: если Рудольф согласится и подпишет, мы спасены.

Рудольф. Вы, Анни, будете спасены. И это — все?

Анни. Все, что могу предложить: взамен мировой славы — возьмите меня.

Рудольф медленно подходит к ней. Анни начинает трясти головой, как бы говоря, что это — еще не сейчас.

Рудольф. Не пугайтесь, пепельноволосая моя женщина... Я вас не схвачу, — я еще не брился. Переменю воротничок и вычищу зубы. Не презирайте. Холодная, прекрасная... Беру, беру, — взамен мировой славы. Сокровище мое!

Шум голосов, крики. Торопливо входят Блех и бухгалтер Мюллер.

Блех. Товарищи здесь? Мюллер, позвоните в заводский комитет, пусть они кончают болтать. *(Зейделю.)* Настроение! Слышите? Зверь на свободе. Кончено, Рудольф Зейдель, нас больше нет! Лопнули со звоном... Мюллер, расскажите ему.

Мюллер *(от телефона)*. Повалился фунт...

Блех *(поднял палец)*. Фунт стерлингов! Абсолютная истина зашаталась, как раненый буйвол.

Мюллер. В двадцать две минуты двенадцатого биржа была закрыта. Господин Зейдель, все ценности покатались вниз. Боже мой, если бы вы видели, что творилось!

Блех *(Мюллеру)*. Звоните. *(Тот звонит.)* Я потерял все. Завод закрыт. Касса пуста. Больше я не желаю бороться! *(Быстро открывает ящик стола.)*

Анни слегка вскрикивает, кидается к отцу, силой закрывает ящик.

Анни. Рудольф согласен.

Блех. Что?

Анни. Подписать.

Блех. Пусти. Я достану сигару. *(Вынимает из ящика сигару,*

закуривает.)

Мюллер. Члены заводского комитета сейчас будут, господин Блех.

Блех *(идет к Зейделю)*. Согласен?

Рудольф *(глядя на Анни)*. Согласен.

Блех. Сын мой, мальчик мой! Закончи. Подпиши. Приедут русские, я хочу говорить с договором в кармане.

Рудольф *(идет к столу, берет перо)*. День какой?

Блех. Понедельник.

Рудольф взглядывает на Анни, подписывает. Анни берет его руку, целует.

Рудольф. Анни... Зачем?

Шум голосов. В окно видно, как полиция оттесняет рабочих.

Мюллер *(у окна)*. Депутация от рабочих, господин Блех.

Блех *(сквозь зубы)*. Я не разговариваю с неорганизованными массами... Пошли их "к чёрту.

Мюллер. Боже мой, боже мой, снова ноябрьские дни! *(Уходит.)*

Блех. Рудольф, вам они верят... Скажите им, что мне осталось пустить пулю в лоб. Во всяком случае, пусть они только не бьют окон. *(Указывает.)* Это стоит две тысячи марок. *(Рудольф уходит.)* Анни, дом переведен на твое имя. Я оформил. *(Ищет документ.)* У меня подагра, дрожат руки... Вот, спрячь. Да, еще... *(Вынимает из стола пачку денег.)* Пересчитай, спрячь, лучше — вне дома. Всё. *(Прячет договор в карман)* Теперь — пожалуйста, господа товарищи! *(Стук в дверь.)* Да. Войдите.

Входят члены заводского комитета, социал-демократы Брицке и Беккер.

Брицке. Добрый день.

Беккер. Добрый день.

Блех. Добрый день, товарищ Брицке. Добрый день, товарищ Беккер. Как дела? Как варит желудок? Как поживает фрау Брицке?

Брицке. Благодарю вас, господин Блех.

Блех. Итак, что же предлагает заводский комитет?

Беккер. Мы пришли решительно поговорить. Вы читали сегодня статейку в коммунистической газете? *(Подает Блеху газету.)* Эти каторжники утверждают, что вы ни пфеннига не заплатите нашим рабочим.

Брицке. Мы не хотим гражданской войны, мы не хотим крови. Но настроение угрожающее, господин Блех. Нужно платить.

Блех *(бросает газету)*. Если я стану проповедовать убийство всех блондинов, — меня посадят в сумасшедший дом. Газета проповедует поголовное истребление всей буржуазии — ее называют центральным органом коммунистической партии. К чёрту! Стране нужна железная рука — сдавить горло этой сволочи. Благодарите бога, товарищи, что кто-то еще руководит производством, что мы даем вам жрать...

Брицке. Не нужно так волноваться, господин Блех. В кризисе много успокаивающих симптомов.

Блех. Ну-с, так что же вы, товарищи успокоители, мне предлагаете?

Беккер. Мы будем настаивать.

Блех. Настаивать?

Беккер. Семейным рабочим предоставить жилища до первого января, одиноким — до пятнадцатого декабря, с отсрочкой квартирной платы.

Брицке. Многие работали на заводе по двадцать пять и по тридцать лет.

Беккер. Старым рабочим, семейным, состоящим в профсоюзе, — уплатить полностью.

Блех. Полностью. *(Гремит в кармане штанов медяками.)* Квартиры — пожалуйста. Но — ни отопления, ни освещения. Завод консервируется. Заработная плата? *(Выхватывает из кармана горсть мелочи, бросает на стол.)* Получайте! Мало? *(Выхватывает из другого кармана мелочь, бросает.)* Штаны

прикажете снять? Плачу пфенниг за марку, а там делите.

Близко за окнами шум, возня, удары. Брицке спешит к окну. Беккер встает.

Брицке. Эх! Ударил полицейского.

Беккер. Это Шиман — первый крикун и скандалист.

За стеклом на секунду появляется рабочий с окровавленным лицом. Злобно приближается к стеклу. Блех лезет в карман за револьвером. Полицейские, набежав, оттесняют рабочего от окна.

Беккер. Ваше контрпредложение чересчур тяжелое.

Блех. Что вы топчетесь! Идите к ним. Успокойте зверье.

Брицке и Беккер уходят.

Блех бросается в кресло, обхватывает голову, раскачивается. Анни садится напротив него, растерянно глядит на отца.

Блех. Боже, боже, боже, боже!..

Анни. А наш автомобиль?

Блех *(не открывая лица)*. К чёрту автомобиль!

Анни. Что угодно — я не могу без машины. Я не умею ходить пешком.

Блех. Автомобиль продан.

Анни. Папа, кому?

Блех. Русским.

Анни. Что же теперь будет?

Блех. Казенная машина.

Анни. Казенная? Где?

Блех. В России.

Анни. Мы поедем туда?

Блех. Да.

Рудольф *(входит, жестикулируя)*. С нашими рабочими я требую честно расплатиться.

Блех *(отнимая руки от лица)*. Честно — да?

Рудольф. Честно — да.

Блех. Вы — щенок.

Рудольф *(после паузы, спокойно, почти с любопытством)*.

Блех, что с вами?

Анни. Мы такие же нищие, как ваши драгоценные рабочие.

Рудольф. Анни, совесть я еще не продавал Блеху.

Блех. Все продано, голубчик, все! Бросьте корчить невинность. Найдите мужество — взглянуть несчастью в железные глаза... Кстати, приведите свои дела в порядок. Мы можем совершенно неожиданно выехать.

Рудольф. Куда?

Блех. В Россию, сын мой.

Рудольф. К большевикам?

Блех. Парадоксы жизни. Меня приглашают техническим консультантом на тракторный завод. Приличные деньги, квартира, машина. Три года глубокого отдыха. И, кто знает, кто знает, — там не жалеют денег на дело...

Рудольф. Блех, вы смеетесь?

Блех. Будете там каждый день есть мясо и прикопите деньжонок.

Рудольф. Послушайте, вы сами говорили: в России жить нельзя.

Блех. Разве я это говорил? Вздор! Почему? Живут и в джунглях, с людоедами.

Рудольф. Но — не там, где человек лишен даже имени, — номер такой-то в стойле таком-то... Вы это мне говорили, говорили!

Блех. Не помню.

Рудольф. Всякий лишний вершок личности срезывается этими сектантами — во имя равенства. Какая чудовищная безнадежность! Что же, вы свяжете меня, заткнете рот тряпкой? Я буду кричать, предупреждаю. Я не дам себя обезличить. Я вам наделаю хлопот.

Блех *(похлопывает его по спине)*. Проявляйте-ка лучше темперамент в другой области, более безопасной... *(Подмигивает на Анни, коротко смеется.)* А главное, позвольте

мне быть вашим другом и руководителем.

А н н и . Рудольф, мы должны вместе дружно, мужественно пережить тяжелые годы.

Гудок автомобиля.

Б л е х *(торопливо)*. Приехали... Анни, может быть — бутылочку рейнвейна? В конце концов — что мы знаем о России? Может быть, не так уж там и страшно... Рудольф, мой мальчик, будьте милосердны. Видите — у меня трясутся руки... Надо же было им приехать в такой день! Где это письмо?.. Анни, письмо из Америки, с блестящими предложениями.

А н н и . Никакого письма из Америки, кажется, мы не получали, папа...

Б л е х . Да. Но я хотел его получить... Я ждал... Анни, в кабинет — вино, сигары и кофе. *(Уходит.)*

А н н и *(у домашнего телефона)*. Алло! Маргарэт, приготовьте горячего кофе, бутылку рейнвейна, три бокала... *(Отходит. Рудольфу.)* Рудольф, мы спасем наш дом. Когда возвратимся, будем в тысячу раз острее воспринимать снова обретенную красоту. Моя жизнь — мой дом.

Р у д о л ь ф . Я предпочел бы первобытную пещеру. Вместо стеклянной стены — какой-нибудь банановый лес. Ни ледяного ветра, ни ворон, ни угрызений. Мужчина и женщина. Любить твои прохладные плечи, твои длинные бедра...

А н н и *(отстраняется, идет к виолончели)*. Не нужно этого, Рудольф.

Р у д о л ь ф . Анни! *(Хватает за руки.)* Я бы унес тебя в пещеру, на прелые листья, глядеть в твои расширенные глаза...

А н н и . Вот уж этого, право, нам нужно избежать.

Р у д о л ь ф . Хорошо... Как это должно случиться?.. Будет у нас что-то вроде свадьбы?

А н н и *(сидя за виолончелью)*. У вас, Рудольф, мужицкие руки. Вы сделали мне больно. Вы бросаетесь на меня, как на девуку. Что случилось, в конце концов? Вы и папа меня напугали. Из этого ровно еще никаких выводов...

Рудольф (*садится на ступеньках лестницы*). Да, голубчик, — болван... Болван и пошляк.

Анни. Отчего? Если вы разбудите в женщине любопытство...

Рудольф (*рассматривает свои руки*). Сегодня сделаю себе маникюр.

Анни. Я вам очень нравлюсь? (*Он молча смотрит на нее*). Если мы вдвоем уедем в Россию, перед богом и людьми вы будете считаться моим женихом.

Рудольф. Благодарю вас.

Анни. Вот таким — вы мне больше нравитесь.

Рудольф. Хрустальный замок. Вокруг бушует ветер, срывает крыши, гибнет мир. Я продаю всего себя, душу — чёрту, чтобы добраться до этой стеклянной коробочки, глядеть на вас... В моем опустошении воет голодная страсть... Редкий экземпляр — такой мужчина с такими рекордами темперамента... Анни, вы любите меня?

Анни. Я вас... Я вас боюсь... Боже мой, я не отнимаю надежды.

Блех (*в дверь, торопливо*). Анни, Рудольф... Русские согласились на все условия. Подписываю. Я поставил жестко: без вас, Рудольф, в Россию я не еду. Триста марок — сверх. Голубчик, пойдемте, я хочу вас показать.

Рудольф. Продемонстрировать мои зубы, мои мускулы?.. Я умею также прыгать через стулья.

Блех. Ну, идем, идем! (*Уходит.*)

Анни. Папа, спроси у них — в России женщины носят шляпы?

Рудольф (*Анни*). Я сам боюсь себя. (*Уходит.*)

Анни (*одна за виолончелью*). Долгие годы глядеть на безнадежные снежные равнины... А там скоро и старость... Какая бессмысленная жизнь!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СССР

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Застекленный павильон на заводе. Три двери: входная, к директору и в чертежную. Столы. Телефон. В углу — модель трактора. У одного из столов Ольга Захарова разбирает корреспонденцию. У другого стола — Лукин, Коренев и Михайлов. За стеклянной стеной, в цеху, проходят, возбужденно разговаривая, несколько человек рабочих. Стоящие в павильоне на минуту оборачиваются. Затем продолжают разговор.

Коренев *(Лукину)*. ...Тогда же мы тебе и написали: возвращайся вместе с директором.

Лукин. Понимаю.

Коренев. Теперь — поздно: план утвержден, смета прошла.

Ольга. Ты где был, Иван?

Лукин. У Круппа. У Сименса в Берлине. Привез чертежи.

Коренев. Смета конструкторского бюро вся провалена. Денег дали — на-смех.

Михайлов. На бумагу, на кнопки, а уж на карандашники и не хватит.

Коренев. Погоди, Вася. Институту электросварки смета урезана почти наполовину. Основание: слишком широко развернули опытную часть.

Михайлов. А этого чиновники хуже всего боятся. Опыт — штука темная.

Коренев. Погоди, Вася... И теперь — главное: утвержден выпуск старой модели — тридцать пять тысяч тракторов.

Михайлов *(указывая на модель)*. На ней воду возить в деревню — еще туда-сюда.

Лукин. Кто этот план провел?

Коренев. Торопов. Все наши хозяйственники.

Лукин. Чёрт его знает! Он совсем о другом говорил за границей.

Коренев. А вот почему: когда мы ему представили, что для новой модели мощного трактора станки наши не годятся, он перепугался,— станки год назад получены из Америки. Значит, о чем управление думало, почему не предвидело? Струсил. Чем бороться — кинулся проторенной дорожкой: все творческое под спуд, и — формальное выполнение плана. Вот — твой Торопов.

Лукин. Позволь, позволь! Конрада Блеха он все же взял на завод.

Коренев. Для технической помощи. Блехом он козырять будет.

Михайлов. Немец у нас заскучает.

Ольга. Иван, их трое приехало?

Лукин. Дочь, секретарь...

Ольга (*Лукину*). Понимаешь — скандал! Им отвели квартиру в новом корпусе. Мебель из комиссионного. Торопов какие-то вазы поставил золоченые. А ночью сегодня лопнула труба центрального отопления. Холодище — тараканов морозить. Сейчас послали на вокзал машину, а куда мы их привезем — немцев?

Михайлов. Где-нибудь переночуют, не обидим.

Коренев. Что ж, будем драться. Оля, почитай-ка, что пишут с мест.

Ольга (*бросая на стол пачку писем*). Сплошь — ругань.

Коренев. Отовсюду требование: укрупненному хозяйству дать мощный трактор с воздушным охлаждением и на универсальном горючем.

Ольга. Любое на выбор... (*Читает одно из писем.*) „О чем думаете, товарищи? У нас в Средней Азии вода на вес золота. Воздушное охлаждение решает дальнейший рост хозяйства..."

Коренев. Мы начали как раз интереснейшие опыты. (*Указывая на Михайлова.*) Его идея. Совершенно новый принцип. Пришлось приостановить.

Лукин. Да, напустили вы мраку, товарищи... Ольга, а ты как думаешь насчет этих дел?

Ольга. Чего бы я хотела — да? Собрала бы наших

хозяйственников в тесную комнатушку, избила бы, понимаешь... И Торопова твоего. Пыль из них выбить, всю труху.

Михайлов. Боевая девочка!

Лукин. А личные как дела?

Ольга. Кончила. Инженер уж второй месяц.

Лукин *(всем)*. Я чрезвычайно рассчитываю на приезд немцев. Блех — мировая величина по моторостроению. Видишь, в чем дело: при подписании договора он намекнул, что везет с собой чертежи — его последний патент, сто девятнадцатый. Это, кажется, то самое, что нам нужно.

Михайлов. А умен немец?

Лукин. У-у!..

Коренев. Надо, чтобы он сразу в нашей каше разобрался. Надо бы Ольгу к нему приставить.

Михайлов. Она по-немецки — лучше немца, так и чешет.

Ольга *(Лукину)*. Чего ты смотришь, Иван? *(Смеется.)*

Лукин *(вынимает из портфеля)*. Я тебе тут привез... *(Подает.)* Из Берлина.

Ольга. Гребенка?

Лукин. Так — пустячок.

Ольга. Спасибо. Вот уж — спасибо! Какая прелесть!

В дверь вскакивает Петька Беспризорный.

Петька. Слышали?

Михайлов. Слышали, слышали.

Петька. Энтузиаст Мишка Зеленый нарочно остался на ночь в электросварочной. Ну, конечно, является ночью этот старей-то клепщик...

Михайлов. Скобарев?

Петька. Ага. И с ним — Первов и Носов, литейщики. Взяли сваренную энтузиастами деталь станины и поперли под паровой молот. Раз двадцать по ней ударили...

Лукин. Вот как! Ну-ну...

Петька. Деталь выдержала, понимаешь. Ни один шов не

лопнул. Литейщики, значит, утерлись. Крик сейчас в цеху. Ведь это что же — открытое наступление на энтузиастов вольтовой дуги, срыв электросварки.

Коренев. Правильно. Одно — к одному.

Петька. Вчера Торопов пришел в электросварочную. „Да, — говорит, — конечно, спорить нельзя. Но все-таки хорошо склепанный кожух, литая станина — ласкает взор, красивее сваренной". Я ему отвечаю — насчет старозаветной красоты заклепки...

Ольга. Беспризорный, вот тебе выдержки из писем.

Петька. Крыть?

Коренев. Без пощады.

Ольга. К завтраму—фельетон. Смотри — без добродушия.

Михайлов. Чиновник смеху боится. А ругать — он только почесывается.

Коренев. Да перемени ты фамилию! Беспризорный — что за подвагонная романтика!

Петька. Все недосуг.

Михайлов. Вот фамилия — Электрон. Культурно и бойко.

Петька. Прикидывал — не подходит: я и так маленький.
(*Перебирает письма.*)

Лукин. Давайте соберемся в два часа в чертежной.

Коренев. Да, если бы немца заинтересовать...

Михайлов. Пускай нас и поругает — ничего. А то мы, как мухи осенью — потерянные.

Идут к двери чертежной. Из кабинета в то же время выходят хозяйственники — несколько человек с портфелями. Коренев и Михайлов уходят.

Торопов (*в дверях кабинета*). Ольга Васильевна, сейчас должны приехать немцы. Слышали, конечно, неприятность с отоплением? Пока их сюда, что ли, провести... Вы побудете с ними. Всякие там вопросы — объясните, покажите.

Ольга. Хорошо.

Торопов. Иван Михайлович, тебе бы докладик прочесть о заграничных впечатлениях,

Лукин. Не о заграничных — о здешних делах говорить

нужно, Семен Семенович. Ты что тут натворил?

Горопов. Ах, ты сразу — в драку? Ну, ладно. *(Взглянул в окно.)* Ольга Васильевна, подъехали... Встретьте. *(Ольга уходит.)* Знаешь, что я застал, когда вернулся? На заводе — сумасшедший дом. Твои конструкторы двенадцать тысяч ухлопали на опыты. И ничего не сделано. Требуют переоборудования всех цехов. Станки, видите ли, им не подходят — первокласснейшее американское оборудование. Твой Михайлов — доморощенный гений — чушь какую-то порет... Видел я его чертежи воздушного охлаждения, — над этим еще десять лет работать. Германские заводы: порядок — часовой механизм... А у нас нечесано, растрепано, грязища, гении бегают...

Лукин. Легко ты решил задачу: жизнь — под сукно, творчество — по шапке.

Горопов *(указывая на стол, где Ольга перебирала письма)*. Ты этих писем, что ли, начитался? У наших степнячков распухнувшее воображение. Пусть они на местах сначала научатся не ломать этот трактор. Вчера на волах пахали — подай им воздушное охлаждение! Если так гоняться за каждым требованием, — ничего нельзя делать, немыслима никакая культура. Мы не можем поставить завод на колеса, скакать за жизнью.

Лукин. Устал ты, Семен Семенович. Диалектики испугался.

Горопов. За эту самую диалектику в девятнадцатом году генерал Шкуро мне из спины ремни резал. А вот где ты был тогда? Диалектика!

Петька. Никто не оспаривает ваших прежних заслуг, товарищ директор.

Горопов. Пожалуйста! Кройте! Тридцать пять тысяч этих машин будут выпущены к четвертому кварталу. *(Идет в кабинет.)*

За стеклянной стеной — взволнованные голоса.

Петька. Наши энтузиасты волокут литейщиков к

директору.

Входят с небольшими чемоданчиками, в шубах, Блех, Анни и Рудольф. За ними Ольга. Немцы изумленно оглядываются на приближающийся шум голосов.

Блех (*Ольге*). Что-нибудь серьезное случилось?

Ольга. Да, очень серьезное.

Блех. Волнение на заводе?

Анни. Папа, я хочу в гостиницу.

Блех. Кто же здесь борется — против кого?

Петька. Молодые против старых.

Блех. Экономические требования, очевидно?

Ольга. Мы боремся за творчество.

Рудольф (*Ольге*). Что? Что?

Блех. Мне показалось — уж не бунт ли... Странно, у вас позволяют так шуметь на территории завода.

Анни. Рудольф, мне здесь не нравится.

Рудольф (*Анни*). Вы заметили лица русских? В них что-то беспощадное и уверенное.

Торопов. С приездом, с приездом! (*Здоровается. Лукин кланяется издали.*) Через полчаса квартира ваша будет в порядке. Неожиданно мороз проклятый — лопнули трубы.

Блех. Все можно предусмотреть, и мороз можно предусмотреть.

Торопов. Научимся, Конрад Карлович. Хорошо бы вам чайку с дороги... Вот чёрт! Уборщица ушла в местком на заседание... Да вы разденьтесь.

Анни. Папа, — в гостиницу.

Торопов. Строим, строим... Первокласснейшую гостиницу... Все, все будет, фрейлейн. Разбиваем парк. Весной открываем дом культуры...

Ольга. Это будет одно из лучших зданий в Союзе. Дворец.

Рудольф. Для кого?

Ольга (*изумленно*). Для нас. У нас восемнадцать тысяч рабочих. Будет театр на три тысячи зрителей, кино, спортивные

залы, зимний сад.

Торопов (*спешит к дверям*). Товарищи, в чем дело?

Входят семь человек: старик — дядя Яша; молодые — Глушков, Зеленый, Никитина, — это электросварщики, они несут излитую под молотом деталь; за ними трое пожилых — Носов, Скобарева и Нервов, — это литейщики и клепальщики.

Никитина. Директору — на стол, поставить ее на стол.

Носов. Не мы это делали, нечего нам и отвечать.

Никитина. Врете, товарищ Носов!

Скобарева. Не шуми, девка, — молода еще.

Никитина. Именно, — молода... Товарищ директор, литейщики и клепальщики перешли в бешеное наступление против нас. Энтузиасты вольтовой дуги квалифицируют это как поход против культуры. На общем собрании мы будем требовать — вымести, вместе с их допотопными горнами и клепальными молотками, весь дух закостенелой деревенщины и шкурничества.

Нервов. Ух, ты! Говорит — прямо пулемет.

Носов. Да не мы это...

Рудольф (*Ольге*). Что они говорят?

Ольга шёпотом переводит ему.

Скобарева. Да хоть бы и мы. Не о том речь. Разве к такому делу можно детей допускать? Электросварка — дело новое, ее надо сперва хорошо проверить. Может, она металл пережигает?

Носов. Пережигает — это верно.

Никитина. Бешеная ложь!

Анни. Она голодная? Почему она кричит?

Блех. Да, нравы, я посмотрю...

Скобарева. Дело темное — электросварка. Выпускаем продукцию для всего Союза. Шутите? А уж клепка — дело испытанное. Мы за эту продукцию отвечаем.

Торопов. Давайте успокоимся, товарищи. Обещаю все это

дело разобрать.

Никитина. Товарищ директор предлагает успокоиться. Дядя Яша. Подожди, девочка, я им скажу. *(Скобареvu.)* Я, дружок, старей тебя: сорок пять лет на клепке. Оглох. А я первый пошел в энтузиасты.

Скобареv. Чего с тебя и спрашивать!

Дядя Яша. Клепка... Эх, вы, глухари! Одну заклепку пять человек бьют. Первый подтягивает, другой поддает, третий упор держит, четвертый бьет, а пятый возле покуривает. Пока вы пятеро стучите, я один наработаю без шума...

Зеленый. В литейной у них то раковины в чугуна, то осадка. Полон двор навален браком. Архаизм!

Скобареv *(зло)*. Чаво?

Глушков. Так и скажите — быть у нас электросварке? Быть у нас культуре? Или работать — день да ночь, сутки прочь? Большой вопрос поднят.

Никитина. Смерть литью и клепке!

Анни. Папа, я боюсь.

Блех. Нас не тронут, детка.

Скобареv. Вот то-то, что кричать вы все здоровы, молодые...

Никитина. Несите к директору на стол. Запротоколируем, составим акт. Фотографические снимки — в Москву.

Первов. Дело их — темное, вот и кричат, голосом подсобляют.

Сварщики, клепальщики и литейщики уходят в кабинет.

Торопов. Через парочку дней привыкнете, Конрад Карлович. У нас все на страсти, все на последнем градусе. *(Уходит в кабинет.)*

Лукин *(Петьке)*. Вот для тебя материал, Петька. Борьба за темпы.

Петька. Простенографирую. *(Берет бумагу, убегает в кабинет.)*

Блех. Но как они с директором разговаривают! Изумляюсь!

Если нет известного расстояния, — нет авторитета... Что?

Петька (*Блеху*). Сегодня он — директор, завтра его пошлют к станку.

Блех. Ну да — все люди рождаются голыми, все смертны: идеальное равенство. Взгляд с птичьего полета.

Ольга. Мы не ханжи. Мы создаем условия для безграничного роста человека — для его ума, таланта, знаний. Расти хоть с коломенскую версту, — нам же лучше.

Блех. Противоречиво и неубедительно.

Рудольф. Простите, — вы сами?..

Ольга. Я — рабочая. Недавно окончила ВТУЗ по черной металлургии.

Рудольф. А скажите, все эти люди... они считают себя свободными?

Ольга. Не понимаю.

Рудольф. Свобода... Ну, как вам это объяснить?.. У нас, на Западе... Чему вы улыбнулись?

Ольга. Нет, я внимательно слушаю вас.

Рудольф. Действительно, никогда не приходило в голову — что такое свобода... Нет, вы, конечно, смеетесь. Русские насмешливы и, кажется, высокомерны.

Блех. (*Ольге*). Скажите, неужели вы, русские, не наговорились за четырнадцать лет? Работать нужно — поменьше спорить. Спорят пусть хозяева.

Ольга. Рабочие — хозяева завода. Как же не спорить и не волноваться, когда у нас — прорыв?

Блех. Как! Рабочие — хозяева? Завод государственный.

Ольга. Рабочие и есть государство.

Блех. Рудольф, вы что-нибудь понимаете в этом?

Рудольф. Это необходимо понять. Это все чрезвычайно важно понять.

Блех. Ну, дай вам бог! (*Смеется.*)

Лукин (*тихо*). Оля, я туг набросал... (*Подает бумажку.*) Сам-то я затрудняюсь по-немецки. Ты ему объясни всю картину.

Завод гибнет. Нужен новый объект производства. Вся наша молодежь — как звери, будем работать. Пусть только... Понимаешь?

А н н и . Рудольф, что она вам *рассказывала*?

Р у д о л ь ф . Необычайно! Здесь какой-то совершенно другой мир.

А н н и . Вам очень нравится эта женщина?

Р у д о л ь ф . Анни... Мне нравится то, что она говорит.

А н н и . Поздравляю!

Р у д о л ь ф . Но то, что вы говорите сейчас, мне не нравится.

А н н и . Вы изысканно любезны. Первый раз вижу вас таким... каким-то взъерошенным.

Р у д о л ь ф . Это — ветер. (*Указывая на свою голову*) Они еще дыбом у меня встанут.

Из кабинета директора выходят П е т ь к а и семь рабочих.

Т о р о п о в (*в дверях*). Инцидент исчерпан. Принципиально вопрос мы поднимаем, конечно...

Н о с о в . Уплатим за порчу, — чего шуметь-то?

С к о б а р е в . Маленькое дело — плевка не стоит.

Н и к и т и н а . Огромное, всесоюзное дело! Решение директора для нас менее всего авторитетно.

Рабочие уходят.

П е т ь к а (*Ольге*). Решение сволочное — компромисс.

О л ь г а . А ты чего ждал?

П е т ь к а . Шестьдесят копеек дай — в счет аванса. Фельетончик будет мирового значения. (*Уходит.*)

Т о р о п о в (*подходит к модели трактора*). Вот, Конрад Карлович, объект нашего производства. Красивая машина?

Б л е х . Гм... Бывают и хуже, бывают и лучше.

Т о р о п о в . Рост сельского хозяйства заставляет прислушиваться к новым требованиям. Кое-что нужно улучшить, *добавить, конечно*, не меняя, однако, общего принципа. Это мы и поручим вашему вниманию.

Б л е х . Слушаюсь, слушаюсь...

Лукин (*подходит к трактору*). Пять лет тому назад крестьянскую лошадь едва не объявили контрреволюцией. А это... (*хлопает ладонью по кожуху*.) Это и есть контрреволюция!

Рудольф. Что? Что он говорит?

Анни. Рудольф, я умоляю — не ввязывайтесь в политику!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Там же. Неделю спустя. Рудольф один сидит на столе, рассматривает чертеж. Нахмурен. Из чертежной осторожно выходит Михайлов.

Деликатно приближается к Рудольфу.

Михайлов (*выражается больше жестами, чем словами*).
Мое, Рудольф Адамович. (*Указывает на чертеж*.)

Рудольф, не поднимая глаз, хмуро кивает.

Михайлов. Идейка-то, конечно... Да сыро еще...

Рудольф (*с раздражением тыча в чертеж*). Это вот что? что?..

Михайлов (*быстро*). А это, дорогой мой, у меня идет всасывание. Автоматически. И тут должен получиться вакуум.

Рудольф. Вакуума тут быть не может.

Михайлов. Чего это? (*Беспомощно оглядывается, но никого нет, чтобы перевести.*) Вот ведь чёрт, сдохнешь неграмотным по-немецки... Слышь, расстреливайте меня, а вакуум тут будет, и будет охлаждение до нуля...

Рудольф бросает чертеж на стол. Заложив руки в карманы, ходит.

Михайлов. С другими — ласков. Что такое? Так его уважаем, готовы уж не знаю что... Сердится?

Петька вбегает, роется в бумагах.

Михайлов. Петька!

Петька. Да некогда!

Михайлов. Переведи ты ему, — немец меня не понимает.

Петька. А ты бы сам лучше по-немецки учился.

Михайлов. Начал. Дорогой мой, ведь я в двадцать третьем еще по складам читал. Физику, математику изучаю. Европу я догоняю или нет? А уж чересчур нажимать — и голова треснет.

Петька. Фельетон про энтузиастов вольтовой дуги перепечатали в „Известиях“. Завтра у директора заседание о пересмотре сметы Электросварочного института. Понятно? *(Бежит к двери. Входит Ольга в парусиновом балахоне.)* Ольга, сейчас еду в город, в Академию наук.

Ольга. Зачем?

Петька. Нужны теоретические данные. *(Уходит.)*

Рудольф. Где вы пропадали, Ольга?

Ольга. В электросварочной. Пробовали переменный ток, — оказалось, как я и думала: металл ведет себя совершенно по-другому в этом случае. *(Снимает балахон, берет полотенце и мыло.)* Вы что — не можете сговориться? Сейчас приду. *(Уходит.)*

Рудольф *(берет обе руки Михайлова)*. Я вас уважаю. Но вы причиняете мне боль. Когда-нибудь я вам расскажу...

Михайлов. Вижу. Все понимаю, Рудольф Адамыч. Тяжело тебе у нас.

Рудольф. Простите.

Михайлов. Ты еще после Европы не очухался. А ты влезь хорошенько на нашу кашу да пойми нас. Мы только с виду неказистые. Мы ничего не боимся: ни науки, ни работы, ни смерти не боимся.

Рудольф. О, да — русские знают, зачем они живут.

Михайлов. Чего это? Я говорю — тото...

Рудольф. О, да.

Михайлов. А насчет вакуума — он ведь будет.

Рудольф. Вакуум? Да, будет.

Михайлов. А ты хитришь, парень.

Рудольф. Что?

Михайлов *(берет чертеж)*. Я ведь сам понимаю, что это —

сыро. Для порядка хотел показать.

Рудольф провожает его до двери чертежной. Михайлов уходит.

Блех (*выходит из кабинета*). Рудольф!

Рудольф (*очнувшись*). Да...

Блех. Эти товарищи из конструкторского бюро обрабатывают вас, как мальчишку. Вы должны понять: вся их задача — выудить у вас тайну патента сто девятнадцатого.

Рудольф. Неправда.

Блех. У меня есть глаза и уши... Эти проныры набивают вам голову социалистическими бреднями и подсовывают чертежики. Я видел, как этот Михайлов...

Рудольф. Неправда. Михайлов показал мне такую штуку, за которую вы заплатили бы полмиллиона долларов. Он и сам еще до конца не понимает, что изобрел.

Блех. Э, вздор! Вздор! Не верю в слесарей-самородков, в гениев из пастухов. Что вас дергает за язык — выбалтывать наши секреты? Говорите им какие-нибудь глупости. Вам что же — прославиться в чертежной? Дешево, Рудольф.

Рудольф. Я не могу, я не хочу обманывать людей, которые...

Блех. Что — которые?

Рудольф. ...все помыслы и все силы отдают переустройству нашего сомнительного мира.

Блех (*свистнул*). Поздравляю! (*Резко.*) Одним словом, я желаю сохранить патент сто девятнадцатый в девственной чистоте. Я желаю продать его — и выгодно. Не Торопову — другим. В Москве. Это мое право. Я запрещаю вам давать советы и разъяснения из этой области. Вот... (*указывает на трактор*) возитесь с этим хламом. И советую — крепче старайтесь забыть, кто вы.

Рудольф (*с иронией*). Вы запрещаете мне мыслить?

Блех. Запрещаю.

Рудольф (*с поклоном*). Дышать?

Блех. Продам патент — получите свои два процента.

Дышите и мыслите... Так-то, старина. Бросим сердиться. Когда-нибудь скажете спасибо, что вовремя попридержали свой темперамент.

Входит О л ь г а . Рудольф и Блех, стоящие около модели трактора, замолкают.
Ольга занимается корреспонденцией.

Блех (*похлопывая рукой по кожану*). Свободно было только первобытное человеческое стадо. Чем выше поднимался человек, тем туже натягивалась узда на его страстях. Напрасно думать, что путь культуры — путь к свободе. Человек обречен на всё большие ограничения. Бунт, мятеж — это всегда лишь только рев обезьяны. Вырвавшись из объятий природы, человек дорогой ценой купил восхождение. История — суровый хозяин.

Рудольф (*засмеялся*). Блестяще!

Блех (*руки в карманах, со сдержанным смехом — к Ольге*). Вы тоже что-то хотели сказать, Ольга Васильевна?

Ольга. На заводе сейчас напряженная борьба. Мы потребовали пересмотра смет и плана. Завтра это решается. За нас — все ударные бригады, вся молодежь. (*Указывая на Рудольфа.*) Он вам скажет: мы правы. Конрад Карлович, если бы вы могли нам помочь...

Блех. В борьбе? Ни за что на свете! В чужие драки носа не сую. Нет, нет, нет, Ольга Васильевна.

Ольга. Мы и не рассчитывали на бескорыстную помощь.

I

Рудольф. Большевики не просят. Предлагают, затем — требуют, наконец — берут.

Блех (*глядит на Рудольфа, рассматривающего диаграммы на стене*). Ну-с, так в чем же дело?

Ольга. Мы мечтаем о вашем патенте сто девятнадцатом.

Блех (*засмеялся*). Ну, еще бы! (*С акцентом.*) Губа не дура, — так, кажется? Ваши конструктора знают — о чем мечтать. (*Серьезно.*) Это будет стоить заводу не дешево.

Ольга. Разве деньги имеют какое-нибудь значение?

Блех (*смеясь*). О, большое значение, милая женщина, весьма

большое. Вы когда-нибудь видели во сне, как вы кушаете призрачный суп призрачной ложкой, и во рту — пусто?.. Без денег наши желания только — сон. Мираж. Деньги овеществляют воображение. Без денег нет уверенности, что мир мне не снится.

Рудольф. Да. К сожалению...

Блех. Что — „к сожалению“, мой мальчик?

Рудольф. Нельзя торговать миражами. Если бы за миражи платили деньги, вы были бы самым богатым человеком, Блех.

Блех *(тихо)*. Это — что? Бунт?

Рудольф. Нет. Желание проснуться.

Блех. Я хочу вам напомнить о дисциплине, Рудольф. Будет лучше, если вы не с такой быстротой начнете разлагаться в этой стране.

Входят Торопов и Лукин.

Лукин *(Торопову)*. Ты думаешь — гони продукцию в хвост и в гриву, поднимай цифры выпуска, — это темпы?

Торопов. Ну, хорошо, хорошо, отвяжись!

Лукин. Темпы — это творчество, импровизация, риск. Темпы — это новая психология. Освоить темпы — значит ввести творчество в самый организм завода.

Торопов. Черным по белому — что вы все хотите от меня?

Лукин. Пересмотра сметы.

Торопов. Пересматривается.

Лукин. Отказаться от выпуска этого трупа.

Показывает на трактор. Торопов смеется.

Смеяться нечему, — это именно чернильный труп. Стране он обойдется дорого.

Торопов. Без поэзии, короче. Что мы должны выпускать?

Лукин. Машину, удовлетворяющую росту сельского хозяйства. Модель, поддающуюся непрерывному развитию.

Торопов. Где такая модель?

Лукин. Мы ее создадим.

Торопов. А завод, пока что, будет стоять и ждать?

Лукин. Возможно еще решение.

Торопов. Какое?

Лукин. Спроси у Блеха.

Торопов. Конрад Карлович, возможно, не останавливая завода, на ходу, внести существенные улучшения в эту штуку? Не поверите — во сне стал сниться проклятый трактор: лезет на кровать, подмигивает фонарями... На грани фантастики.

Смеются. Торопов угощает папиросами.

Блех. Вообще говоря, это — очень плохая машина.

Лукин (*Торопову*). Вот тебе ответ.

Торопов. Дай же высказаться. Нервы, товарищи...

Эх!

Блех. Но сделать кое-что возможно. Несколько увеличить мощность — на две, даже на три лошадиных силы.

Торопов (*Лукину*). Видишь?

Блех. Перевести его на универсальное горючее. Гм... Стоит ли? Впрочем, как желаете. Попытаемся. Любопытно, как опыт...

Торопов. Опыт—ага!

Лукин. Конрад Карлович, ваш патент сто девятнадцатый ...

Блех. Об этом проекте мы беседовали с Семеном Семеновичем, но он, видимо, остался равнодушен.

Лукин. Конечно.

Торопов (*пожимая плечами*). Опять — клевета.

Блех. Хотя, насколько я понимаю, мой проект — то, что вам нужно.

Лукин. Взглянуть бы на чертежи...

Блех. Чертежи у меня дома.

Рудольф. Чертежей у вас нет.

Блех. Мой мальчик, вы забываете, — я привез чертежи.

Рудольф. Ну, и прекрасно. (*Опять разглядывает диаграммы.*)

Блех. К сожалению, кое-какие детали пришлось оставить дома, — побоялся везти через границы. Те именно, что и составляют секрет патента: чертежи воздушного охлаждения...

Но Рудольф быстро все это восстановит, по моим указаниям.

Рудольф. Вы уверены в этом?

Блех. Рудольф, я совершенно уверен, абсолютно уверен.

Рудольф. Ну, и прекрасно.

Торопов. Что ж, пойдемте, побеседуем... *(Жестом предлагает войти в кабинет. Блех и Лукин уходят. Торопов проверяет стенные часы по своим на руке.)* Опять чёрт их взял, позади!.. *(Ольге.)* Бросьте, слушайте... Бросьте! Все равно — ни к чему. Покуда жив — не допущу, чтобы завод превратился в сумасшедший дом для ваших опытов. *(Уходит в кабинет.)*

Ольга. То есть — так чешутся руки...

Рудольф. *(указывая на диаграмму).* Изображен человек. Видите? Человек — это я... А это... *(обводит пальцем)* что бы я мог сделать. И не сделал. Человек... До девятнадцатого года — сырая брюква как основа питания. С девятнадцатого по двадцать первый — вареная брюква. Внимательный осмотр штанов у окошка. О, человеку нужны штаны — в особенности, когда он пустился на завоевание мира. И кружка пива — в кабачках Франкфурта. Дым, голоса издалика — тут-то и завоевывался мир. Из кружки подмигивала рожа Мефистофеля: „Ну- ка, Рудольф, подпиши договорчик. Продай душу...“ Бред, чад, вздор... Ольга Васильевна, человека водили за нос двадцать семь лет. Это же целая система надувательства!

Ольга. Рудольф Адамович, сколько примерно пришлось бы нам заплатить за патент?

Рудольф. Блеху — за патент? Ни одной копейки.

Ольга. Не поймешь, когда вы шутите. Я уверена, мы добьемся своего, мы получим деньги...

Рудольф. Что вам нужно? Рабочие чертежи? У Блеха чертежей нет и никогда не будет. *(С яростью.)* И никогда не будет!

Ольга. Не понимаю... Конрад Карлович — мировой спец.

Рудольф. Конрад Карлович мировой спец по бандитизму.

Ольга *(сует бумаги в портфель)*. Поговорим, когда вы будете в порядке... Всё — только о себе, только о себе. Терпенье

нужно вас слушать.

Рудольф *(хватает ее за руку)*. Подождите! Я в восторге, когда вы злитесь.

Ольга. А ну вас!

Рудольф. Когда вы злитесь — вы вспыхиваете, как заря. Горячее дыхание жизни... Слушайте! Блех намерен заставить меня сделать чертежи. Я не хочу. Заложу руки в карманы и буду посвистывать; не хочу. Блех не предусмотрел этого, — то-то я и прорвался в свободу.

Ольга. Знаете, о чем у нас говорят? Блех никогда сам не отвечает на технические вопросы. Рабочие заметили: если вас нет, — посылает за вами. Все так и зовут: справочник Блеха.

Рудольф. Это колоссально и пирамидально смешно! Ольга Васильевна, я хочу понять, что такое свобода? Куча денег? — так думает Блех. В школе, когда давали сырую брюкву, говорили; свобода — высший дар небес. В таком случае — почему небо так немилостиво? Мне необходимо кушать. И необходимость засовывает меня под могильную плиту. Вы не любите мистики, но, честное слово, я продал душу дьяволу. Как Фауст, вы думаете? Нет. Мы низко пали, мы дешево стоим, потомки великих бюргеров. Я продал себя за триста марок. Ольга, вы, русские, — горды и надменны. Мне больно быть среди вас...

Ольга. Все это — чушь. Все оттого, что *вы одиночка*. И дело ваше — одинокое. Проснитесь вы, наконец! Идите к нам, Рудольф.

Рудольф. Не могу. Завален могильной плитой. На ней даже нет надписи. Незвестный...

Входит А н н и в шубе, запорошенной снегом.

А н н и. О чем так страстно, Рудольф? *(Подает руку.)* Здравствуйте... Папа здесь? Едем обедать. Слушайте — снег, ветер, выюга. Роскошно! Два раза машину загоняла в сугроб. Заказала столик в новом ресторане — цветы, музыка. Оказывается — очень мило. *(Стучит согнутым пальцем в дверь.)*

Ольга. Входите, там они одни.

Анни. Может быть, вы поедете с нами в ресторан?

Ольга. Мне неудобно, фрейлейн Блех.

Анни. Какой вздор! Какая чушь! *(Уходит в кабинет.)*

Ольга. Что вы — не такой же пролетарий?.. Бросьте в чулане сидеть, сторожить хозяйское добро!.. Знаете — скоро мы вас звать перестанем. Сами начнете проситься — поздно.

Рудольф. На коленях, протягивая руки к роскошному миру изобилия?

Ольга. Не понимаю. Или в Европе все талантливые люди такие чудаки?

Рудольф. Чудаки вы, русские. Взялись наводить порядок на земном шаре... *(Сжал руки Ольги.)* Мировые чудаки!

Ольга смеется.

Звонок телефона. Из кабинета быстро выходит Лукин.

Лукин. Рудольф Адамович, на минутку вас просят... *(Рудольф идет в кабинет. Лукин берет трубку.)* Да. Директор еще здесь... Хорошо. Передам. *(Кладет трубку.)*

Ольга. Ну, что?

Лукин. А! Торопов вертится, как выползень. С одной стороны, с другой стороны. Да и Блех, видимо, крепенький: готовится заломить цифру. *(Гудок завода. Лукин и Ольга взглядывают на часы.)* Ну, ладно. Шабаш! Не пойду туда. *(Сует бумаги в портфель.)* Еще сорвешься... Оля, пойдем обедать в столовую.

Ольга. Нет, я — домой.

Лукин. Секунды нет свободной. Поговорить нам нужно.

Ольга. Может быть, не стоит?

Лукин. То есть как это — не стоит? То тебе некогда, то тебя никогда дома нет. Вижу, Оля, все вижу...

Ольга. Кто звонил сейчас?

Лукин. Товарищи из совхоза: Гирко и Буровой.

Ольга. Есть письмо от них. Серьезные товарищи.

Лукин. Оля, что случилось? Завела, что ли, кого-нибудь себе?

Ольга (*коротко*). Нет.

Лукин (*радостно*). Ну?! Что за чепуха у нас? Была как будто близкой. Приезжаю — и нет. Ты думаешь, я в Берлине — с бабами? Ну их к чёрту! Честно говоря: не ты — так никого.

Ольга. Слушай, бросим это.

Лукин. То есть что бросим? Ты яснее скажи.

Ольга. Обойдись.

Лукин. То есть как — „обойдись“? Ты в уме, Ольга?

Ольга. Видишь: два слова — и крик. Иди, обед пропустишь.

Лукин. Ну вот, еще подсыпали — психологическую нагрузку.

Ольга (*смеется*). Ванечка, тут уж я ничего не могу поделать.

Лукин. И чем лучше баба, тем с ней мудренее...

Из кабинета выходят Блех, Рудольф, Анни и Торопов.

Торопов. Все это очень соблазнительно, Конрад Карлович. Но без Москвы решить, конечно, невозможно.

Все идут одеваться.

Блех (*надевая галоши*). Я вас понимаю, я вас понимаю...

Торопов. Все-таки — ориентировочно — на какую цифру мы должны рассчитывать: стоимость патента?

Блех. Об этом — после, я думаю. Едем с нами обедать, Семен Семенович.

Лукин (*Торопову*). Звонили сейчас Гирко и Буровой. Идут сюда.

Торопов. Кто?

Лукин. Товарищи из Казахстана, наши подшефники.

Торопов. Конрад Карлович, минуточку задержитесь. Я вам покажу наших покупателей. Степняки, представители совхоза в миллион двести тысяч га.

Лукин *(уходя)*. Конрад Карлович, они как раз по поводу нашего трактора приехали ругаться.

Блех, А! Любопытно... взглянуть на покупателей.

Лукин уходит.

Анни. Папа! Рудольф! Едем же! Я голодна.

Блех. Присядь, деточка.

Торопов *(показывая на стеклянную дверь)*. Плынут степнячки-хозяева.

Входят Гирко и Буровой — рослые и широкие. Буровой—в черкеске с пустыми гавырями, на медном лице — шрам от сабельного удара. Гирко — помоложе, в европейском платье, плохо сидящем на сильном теле.

Торопов. Здравствуйте, товарищи подшефники! Что скажете хорошего?

Гирко. Мало скажем хорошего.

Буровой. Короче говоря, матери его чёрт, о двух головах вы, товарищи, я вижу...

Торопов *(знакома их с Блехом)*. Товарищ Буровой, известный партизан, директор совхоза в завоеванных им степях. Товарищ Гирко.

Буровой *(Блеху)*. Много наслышаны.

Гирко. Много на вас надеемся, товарищ Блех.

Блех *(Торопову)*. Может быть, пригласим их обедать? Богатые покупатели.

Гирко. Мы ругаться приехали.

Буровой. Жизни вы не видите, товарищи. Через полтора месяца начинать пахать. Ждем стальных коней. А вы каких нам коней присылаете?

Блех *(Торопову)*. Клиенты недовольны.

Торопов. Нет, просто громко говорят, — степняки.

Буровой. Короче говоря, я расскажу, как мы на ваш трактор мужика посадили...

Гирко. В прошлый год, как раз в страстную субботу.

Буровой. Степь электричеством осветили, выехали запахивать колхозное поле. Мужики, бабы, ребята бросили заутреню стоять, прибежали. Светло, как днем. *(Пауза.)* Вот тут-то вы нам и удружили! Часу не пропахали — у одного трактора пальцем пробило цилиндр, у другого — подшипники, матери его чёрт, сплывались, у третьего — трескотня, вонь и — ни с места... Хохот. Мужики смеются. В станице на колокольне поп в колокол ударил. Потасил я тракторы назад на волах...

Гирко. Перед всем кулачеством нас лицом в грязь бросили.

Торопов. Исправим, исправим, все ошибки исправим.

Буровой. Его исправлять не стоит. Для наших степей эта машина — немощь.

Гирко. У нас протяжение — триста верст, степь. Он и половину не пройдет.

Буровой. А где я в степи воду найду? Вот это главное.

Блех *(с акцентом, по-русски)*. Товарищи, уважаемые покупатели, вам нужен мощный трактор с воздушным охлаждением...

Буровой. Во! В самую точку, гражданин.

Гирко. На что мы тогда большевики, если к весенней пахоте не будет у нас трактора!

Буровой. Чтоб на нем гулять, как хочешь.

Гирко. Нам степь приказывала — без реконструкции шифного завода назад не вертаться.

Торопов. Пойдемте, товарищи, поговорим... Конрад Карлович, отложите обед на полчаса.

Торопов, Гирко, Буровой и за ними Ольга идут в кабинет.

Блех *(Анни и Рудольфу)*. Детки, поезжайте в ресторан, за мной пришлите машину... Рудольф, бросим нервничать. Дело наше, видимо, разворачивается, — можно взять деньги.

Рудольф. А я тут при чем?

Анни. Вы, слушайте, совершенно непереносимый человек. Подменили вас — не понимаю... Фу!

Рудольф. Но как же быть, Анни? Биология моя протестует.

Я — несуществующая личность. Человек-аноним. Я даже рюмки водки не смогу проглотить...

А н н и . Иногда кажется — вы просто сумасшедший.

Рудольф . Очень тонкое наблюдение... Я сам начал задумываться над этим. Сумасшедший аноним, — какой же я для вас кавалер, Анни?

А н н и . Ну, едем же! Надоело... Боже мой, вы влюблены, что ли, в кого?

Рудольф . У меня больше нет сердца, у меня нет желудка. Сегодня запрещено дышать и мыслить. А Блех требует еще головомомных чертежей.

Б л е х . Зейдель, вы примитесь за них сегодня же ночью.

Рудольф . Я достаточно ясно высказал мое отношение к патенту сто девятнадцатому.

Б л е х . Вот что, господин... Вы — не советский, вы подданный страны, где есть порядочный суд и законы, охраняющие право собственности. Если ваши новые друзья посоветуют вам не выполнять нашего договора, вы будете посажены в тюрьму.

Рудольф . Так.

Б л е х . Понятно?

А н н и . Боже, до чего вы злы! Омерзительная жизнь! Ну, и чёрт с вами! Еду одна.

Идет к двери. Рудольф мрачно берет пальто и шляпу.

Б л е х . Надеюсь, вы будете благоразумны?

Рудольф . Посмотрим...

Блех уходит в кабинет.

Рудольф . Анни...

А н н и . Меня двадцать пять лет зовут Анни.

Рудольф . Хорошо быть собакой — с волчьим лбом и преданным сердцем. Я бы носил за вами плетку. И собачья душа оставалась бы верна, несмотря на побои... Как бы это было элегантно — гулять с овчаркой, Анни!

А н н и . Вы — дурак!

Рудольф. Был. И, кажется, весь выгорел. Бесплодно при этом.

Анни. Наконец-то в вас появляется острота, — то, что и должно нравиться женщине... Едем! Мы повеселимся... Я странная, Рудольф, правда, правда?..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната Рудольфа. Дверь в спальню и входная дверь. На столе — электрический чайник, посуда, еда, трубки чертежей.
У стола — Рудольф, Коренев, Чикин, Забавный и Михайлов. Говорят вполголоса.

Рудольф (*поднимается, отходит от стола*). Это необыкновенно! Это необыкновенно!

Михайлов (*глядя на Рудольфа, — Корневу*). Нравится ему? Одобрил?

Забавный. Ай да Михайлов!

Рудольф. Это совершенно новая точка зрения. Замечательно!

Мнет пустую коробку от папирос, идет в спальню.

Чикин (*хлопает Михайлова по плечу*). Немца перекрыл.

Забавный. Вот тебе и мочальная борода! Михайлов. Бабенки бороду мою одобряют, зря не хай... У нас лоску нет, ребята. А мысли есть кое-какие. Сыро еще, конечно.

Забавный. Будет ломаться, дьявол.

Коренев. Шесть часов. Пойдемте.

Все встают. Одеваются.

Чикин. Торопов сейчас должен приехать.

Коренев. А ведь — верно.

Забавный. Да. Подсобили нам степнячки.

Чикин. Торопов — упрям-упрям, а когда надо — маневрировать умеет.

Коренев. Если он валюту достал, — теперь же получим блеховский проект. Январь, февраль — на подготовку. В конце марта выпустим первый пробный.

Чикин. Придется повозиться с воздушным охлаждением. Рудольф говорит — у Блеха в этой части не все удовлетворительно.

Коренев. Идею Михайлова возьмем — его радиатор, и присобачим к блеховскому мотору.

Забавный *(Михайлову)*. Вот прославишься — на весь мир.

Михайлов. Я страсть падкий до славы-то. Кепку себе новую куплю.

Забавный *(смеется)*. Вот чудило!

Чикин. Куда Блеху такие деньги? Скучно, по-моему, когда много денег-то очень. Чеш ни захотел — моментально. Галоши — галоши, велосипед — велосипед...

Рудольф *(выходит из спальни с коробкой папирос)*. Уходите, друзья? Мы хорошо поработали... Я изумлен. В ваших предложениях я узнал много своих идей. И кое в чем вы идете дальше.

Михайлов. Сыро еще, Рудольф Адамович.

Забавный. Погоди, не о тебе речь.

Рудольф. В проекте Блеха воздушное охлаждение — самое слабое место. Для Средней Азии оно окончательно непригодно: температура воздуха семьдесят градусов. Получим неминуемое перегревание. Наилучший выход все-таки — идея Михайлова.

Коренев. Мы так и решили: взять его проект, ударно разработать.

Рудольф. То есть как — взять? Это его собственность. Он должен его патентовать. Такой патент за границей стоит десятки тысяч долларов.

Михайлов. Чего это?

Забавный. Говорит: можешь получить сто тысяч долларов.

Михайлов. Очень приятно. Нам валюта нужна.

Забавный. Славой, говорит, не захочешь с нами делиться.

Михайлов. Как — не захочу? Мы вместе работаем. Нет, Рудольф Адамович, если одобряете мой проект, — берите. Для одного дела стараемся.

Забавный. Он и не спорит, чудило ты наш!

Рудольф. Объясните ему: любой изобретатель на револьверный выстрел никого бы не подпустил к такой идее. Можно отдать все, последнюю рубашку... но — гений, гений!.. Или я плохо понимаю, друзья мои. Гений — единственное сокровище, единственное — мое.

Михайлов. Рудольф Адамович, я в бане люблю париться. *(Забавный и Чикин засмеялись.)* Вот бы мне пожертвовали воз веников — спасибо. А то — покуда я буду патент выправлять, то да сё, за границу его продавать, дело-то наше *стоять* будет. А тут час дорог. Берите, говорю, только берите! Вот изобрету на досуге что-нибудь неподходящее, тогда патентую, продам, загуюляю. *(Забавный и Чикин смеются.)* Рудольф Адамович, мы — как дерево: вершина — в небе, а корни — в земле. Корнями с людьми и с делом нашим связаны...

Чикин. Ну, пойдем, пойдем! *(Тащит к двери.)*

Михайлов. Ты мне пиджак не порви, у меня один.

Корнев *(Рудольфу)*. Вы с Конрадом Карловичем половчей поговорите. Пускай он все наши изобретения, поправки берет, — спорить не станем.

Михайлов. До свиданьца, Рудольф Адамович! Много вас благодарим.

Михайлов, Корнев, Чикин и Забавный уходят. Рудольф один.

Рудольф *(наклоняется над чертежом Михайлова)*. Так просто. Неожиданно и просто. Блех нажил бы на этом деньги.

Ольга *(входит в свитере, в шапке)*. Опоздала, простите.

Рудольф. Свежая, как роза утром.

Ольга. Сделано тридцать километров на лыжах.

Рудольф. Состязание?

Ольга *(снимает шапку, встряхивает волосами)*. Нас побили.

Рудольф *(басом, в трубку чертежа)*. Позор!

Ольга. Слушайте, у вас чай... *(Подходит к столу.)* Можно?

Рудольф *(бросается к столу, смахивает бумажки, мусор)*.
Проклятая холостая жизнь!.. Садитесь, снежная роза.

Ольга *(садится)*. Катались с гор. Что было! Крутая-крутая гора, страшно взглянуть... Оттолкнешься и — вниз. Начинаешь визжать.

Рудольф. Зачем?

Ольга. Визжать необходимо. Снежная пыль, ветер, вихрь, и в конце — непременно — лыжи вот так, и — летишь кверху ногами... Слушайте, масла можно?

Рудольф. Я могу приготовить шницель из самого себя на сливочном масле.

Ольга *(свистит)*. Договорился, наконец!

Рудольф. Вы не позволяете выражать мою нежность.

Ольга. Знаете, что... Урок начался. Потрудитесь разговаривать по-русски. Составьте приличную фразу.

Рудольф *(ломано, по-русски)*. Я вас ушасно лублу. Я говору вас.

Ольга. Дательный падеж: „говорю вам“.

Рудольф. Я говору вам ушасно серьезно.

Ольга. „Ужасно“, — не „ш“, а „ж“.

Рудольф. Хорошо. Мне доставляет удовольствие говорить вам в глаза, что я вас ужасно лублу.

Ольга. Сегодня еще раз повторите: „щи“, „щетка“ и „щепка“.

Рудольф. Хорошо. Ваши милые, очень дорогие глаза напоминают синее небо, где я хотел летать свободно, как орель.

Ольга взглядывает на него, хохочет.

Рудольф. Конечно, я ужасный турак...

Ольга *(поставив чашку)*. Давайте — серьезно. Расскажите, что вы держите в руке?

Рудольф. Это есть чертеж. Это чертеж товарища Михайлова. Этот чертеж есть мой окончательный приговор...

(Пауза. Ольга с внимательным удивлением взглядывает на Рудольфа.) Позвольте — по-немецки! (Вскакивает, затем ходит, жестикулирует.) Только что я беседовал с нашими конструкторами. Мне хотелось кричать от отчаяния. Очевидно, мой мозг истощен. Они смелее меня в идеях. Они легко решают невозможные задачи. Михайлов десять лет тому назад не знал грамоты. Десять лет тому назад я считал себя новым Фаустом. Сегодня Михайлов и я сошлись за этим столом — из двух миров пришли и взглянули в глаза друг другу. Приговор. (Взмахивает чертежом.) Ему сказали: „Отдай это“. Смеясь, ответил: „Возьми!“ Он богаче меня. Он не знает волчьих спазм в челюстях, когда посягают на твою собственность. Ему не поставлено границ творчеству. (Пауза.) А я не знаю, для чего ложусь в кровать и снова начинаю день: чтобы каждый месяц запира́ть в шкатулочку триста марок, помечтать с Анни Блех о нашем будущем гнездышке. Волочить, как дохлую кошку на веревке, свою личность, набитую трухой столетий...

Ольга. Опять заехали в овраг.

Рудольф. Ужасно! Я несу жалкую чушь. Я всегда был молчалив и сосредоточен. Но как же мне не кричать, когда даже ваши глаза так далеки, так осуждающи!.. Что мне делать, Ольга?

Ольга. Так сразу и ответить, после тридцати километров...

Рудольф. Ольга, в вас сейчас ответ для всей моей жизни. И в нем, в Михайлове, — ответ. Но то — другое. Вы — как полный звук...

Ольга. Что я на розу похожа — еще понимаю, но на звук — это загиб.

Рудольф. Мне нужно быть с вами. Ольга, во что-то главное мне нужно поверить.

Ольга (серьезно). Нужно поверить, что в миллионах людей — пусть они еще сутулы от тысячелетнего рабства — скрыты неисчерпаемые творческие силы. Мы построим освобожденный мир. Мы — не мечтатели. В дождь, в мороз, в будни, какой бы ни дул ураган, камень за камнем — построим.

Рудольф (берет ее руки). Спрятать лицо в ваши руки, в

ваши колени... Ольга, немножко вы жалеете меня?

Ольга. Жалуют грудного, беспомощного, когда он тащит в рот ногу. Вас еще я недостаточно люблю, Рудольф. Вы еще — чужой.

Рудольф (*ломано, по-русски*). Когда никто не любит — очень печально жить. Когда любит — хочется высоко подпрыгивать.

Ольга. Берете меня на пушку, — не по-товарищески.

Рудольф. Мне не нужно даже банного веника. Мне ничего не нужно... (*Стук в дверь. Он встает, смотрит на дверь.*) Это Анни... (*Сморщился.*) Мы еще займемся по-русски, мне нужно сто раз сказать — „щи“, „щетка“, „щепка"... (*Указывая на дверь спальни.*) На две минутки, пожалуйста... (*Ольга колеблется.*) У нас есть маленький разговор с Анни, — пожалуйста...

Ольга (*берет с полки книгу*). Ладно. (*Уходит в спальню.*)

Рудольф (*запер за ней дверь, взъерошивает волосы с выражением юмора и страдания. В дверь нетерпеливый стук*). Да, да, войдите... (*Бросается к входной двери, открывает.*) Анни, простите, я спал.

Анни (*входит в кимоно, в домашних туфельках*). У нас испортился чайник. Можно взять ваш чайник?

Рудольф (*суетливо*). Я отнесу сам... Надо было позвонить по телефону. В коридоре — ледяные сквозняки, вы так легко одеты.

Анни. Зачем вы лжете?

Рудольф. Это ужасно сложно объяснить.

Анни. Вы уже кончили заниматься по-русски?

Рудольф. Только что.

Анни. Она ушла?

Рудольф (*глядит сначала на одну дверь, потом на другую*). Она прилегла у меня на постели.

Анни. Вот как!

Рудольф. Пришла на урок после лыжного пробега в тридцать километров. Съела все мои конфеты.

Анни. Какая удивительная женщина! Надо за вами

внимательнее приглядывать. Надеюсь, вы с ней еще не спите?

Рудольф. Вас бы это огорчило, Анни?

Анни. Не думаю. Молодой мужчина не может без конца вздыхать у юбки своей невесты. Здоровая самка — прежде всего гигиенично. Но, конечно, я должна знать женщину, которая передаст мне вас из рук в руки.

Рудольф. Да вдруг — возьмет и не захочет отдать. Так бывает, особенно во времена революции: плюют на право собственности.

Анни. Вы, голубчик, с невероятной быстротой катитесь вниз. *(Движение к двери спальни.)* Я хочу с ней поговорить.

Рудольф. Сейчас, при мне?

Анни. Да, да, друг мой, при вас.

Рудольф. Как хозяйка этой комнаты, включая и меня?

Анни. Я ваша невеста, Зейдель.

Рудольф. Это также охраняется законами, судом и тюрьмой?

Анни. Что?

Рудольф. Ваши права на меня.

Анни. Мои права охраняет ваша честь. Если у вас не осталось ни капли чувства...

Рудольф. Анни, вы сами губите все дело. О какой чести можно говорить с мужицким сыном! Кстати, Блех вам наврал, — папаша мой никогда не был учителем. Взгляните на руки — стопроцентная черная кость... Что мне честь! Я — наемник. Также и в качестве жениха...

Анни *(глядит на него. У нее брызнули слезы)*. По-видимому, вам доставляет садическое наслаждение хлестать женщину по сердцу.

Рудольф *(безнадежно махнул рукой, отошел)*. Сдаюсь, сдаюсь...

Анни. За что? Я так уважала вас, так высоко ставила ваш гений. Поехала за вами, в эту ужасную страну. Ни одного культурного лица — одни слесаря. Целые дни — молчу, молчу... Вы ничего не отрицаете, не пытаетесь даже солгать. Боже, какой

мрак!

Рудольф. Анни, бросим лгать. Вы меня никогда не любили.

Анни. Любовь... Я вас считала умнее. Все еще — про любовь. Вы — мещанин. Но я-то не желаю быть в дурацком положении. *(Идет к двери спальни.)*

Рудольф *(хватает Анни за руку)*. Нет!

Анни *(силясь освободиться)*. Руку... Больно...

Ольга *(выходит из спальни)*. Все-таки мучить женщину стыдно, Зейдель.

Анни. Это она?..

Рудольф. Ох, чёрт!

Анни. Что она вам сказала?

Ольга. Вы хотели *со мной говорить*, — я пришла.

Анни. Из спальни?

Ольга. Ну да, из спальни. Откуда же, — не из печки вылезла?

Анни. Ах, вы — женщина, к тому же и с юмором! Поздравляю! Уж не знаю, в какой другой стране возможна такая откровенная грязь.

Ольга. По-бабьи начать разговаривать — ни вам, ни мне не стоит снижаться. Спросите просто, в лоб: что вас интересует? Мое отношение к Зейделю? Люблю я его? Живу с ним? Называйте все своими словами. Отвечу честно.

Анни *(медленно поворачивается к Рудольфу)*. За такие минуты женщины мстят до смерти. *(Идет к двери.)* О, вы будете сожалеть! Вы будете сожалеть! *(Уходит.)*

Ольга. Стыдно и некрасиво! Да уж, Зейдель...

Рудольф *(срываясь)*. Она забыла чайник. *(Хватает чайник, убегает.)*

Ольга *(надевает пальто, трогает волосы)*. Гребеночка... *(Оглядывается.)*

Входит Лукин.

Лукин. Оля... А где наши?

Ольга. Только что передо мной ушли.

Лукин. Торопов из Москвы приехал. Сейчас будет здесь, у Блеха.

Ольга *(радостно)*. Что ты, — вышло?

Лукин. Да, видел его мельком. *(Идет к телефону.)* Надо ребятам позвонить.

Ольга. Вот чёрт, гребеночка!.. *(Идет в спальню.)*

Лукин глядит ей вслед. На лице — изумление, страдание.

Ольга *(из спальни)*. Торопов две недели просидел в Москве, значит — валюту достал. *(Выходит.)* А вид у него какой? Веселый? Чего же не звонишь?

Лукин *(звонит)*. Кто это? Чего? *(Кричит.)* Передай — Михайлов, или еще кто — чтоб шли в общежитие к немцам. *(Вешает трубку.)* Да, значит, вот как... *(Идет и осторожно затворяет дверь спальни.)* Конечно, это твое личное дело. Ты и не отвечай. Я и не спрашиваю...

Ольга *(смеется)*. Да уж спроси все-таки.

Лукин. Смеяться нечему, Оля. Знаю, это все — мура. Житейские мелочи. Я — не самец... Ну, бросила. Ну, разлюбила, что ли... В твою жизнь не вторгаюсь. Но почему? Вполне, Оля, вполне теоретически мучает вопрос — какие были основания? На мужчин не кидаешься—фантазия у тебя на это дело не заострена. Вполне был спокоен. Иду по Берлину, в окне — гребеночка. И так ласково о тебе вспомнил.

Ольга. Спасибо.

Лукин. Приезжаю, и ты — чужая... Это, в общем и целом, мелочи.

Ольга. Ну, не совсем.

Лукин. Глупо, конечно. Мешает. Сидит в голове заноза... Вчера на совещании в самую неподходящую минуту — так и кольнет. В Мацесту, что ли, поехать недели на три?

Ольга. Так вот, Ванечка, я давно решила — уйти от тебя, еще до твоего отъезда. Как-никак — я женщина, мы эти дела чувствуем по-иному. За тебя я — горло перегрызу, друг твой верный. Но не хочу физиологии. У нас с тобой это было между

прочим. А между прочим — малопривлекательно.

Лукин. Не понимаю, не понимаю тебя...

Ольга. Помню, когда еще была в фабзавуче — дура, в веснушках. Ты меня и не замечал. Я в тебя влюбилась. Ночью полушубок на голову натяну и реву. Всю себя отдала тебе, Ванечка. И довольна. Решила с тобой порвать.

Лукин. В прежнее время такие в монашки шли.

Ольга. Мимо, Ванечка. А я и не зарекаюсь: свалит меня: страстью. Ну, что ж! Так то — страсть, праздник.

Лукин. Этой мысли ты не должна была высказывать. Все зачеркнула...

Входит Рудольф с чайником.

Рудольф (*глядит на обоих*). Я помешал?

Ольга. Приехал Торопов — знаете?

Рудольф (*ставит чайник*). Чайник полетел мне в голову. (*Лукину.*) Торопов сидит у Блеха.

Ольга. Достал деньги?

Рудольф. Меня интересует шишка на моей голове...

Лукин (*резко*). Товарищ Зейдель, решается генеральный вопрос: достал директор валюту, покупаем мы патент?

Рудольф. Обойдемся и без валюты.

Лукин. То есть как—обойдемся? Блех заломил пятьдесят тысяч долларов.

Ольга. Ужас, ужас!.. Рудольф, сходите, узнайте...

Рудольф. О, нет, — Блех сам придет ко мне. (*Берет телефонную трубку.*) Кажется, я слишком тороплюсь освободиться сразу от всех „моральных ценностей". Слишком большая легкость опасна. Человека может унести сквозняком. (*В трубку.*) Коммутатор. Квартира

Блех. (*Ольге.*) Диалог через дверь, после того как мне в голову запустили чайником... За дверью: „Вы предатель!“ Я: „Анни, блестяще распутан психологический клубок, все разрешилось шишкой на голове". За дверью: „Очень сожалею, что у меня не было револьвера"... (*В трубку.*) Господин Блех, не

могли бы вы сейчас зайти ко мне с Тороповым? Мне пришла колоссальная идея... Что произошло с Анни? Маленькая раз-молвка... (*Вешает трубку.*) Иван Михайлович, хотите хорошую сигару?

Лукин (*подозрительно*). Почему вы мне предлагаете?

Рудольф. Хотелось что-нибудь приятное. Вы сердитесь на меня?

Лукин. С какой стати!

Ольга. Вас хорошо не знать,— в самом деле подумаешь: не все дома.

Рудольф (*нюхая сигары*). Я давно не был счастлив.

Входят Корнев и Михайлов.

Корнев. Торопов здесь. Ну, что?

Михайлов. Мы сюда — бегом, через сугробы.

Рудольф. Садитесь, друзья мои. Хотите хороших немецких сигар?

Корнев. Значит, начинаем работу?

Михайлов. Ее с какого конца курить, Рудольф Адамович?

Рудольф (*обрезая сигары*). Эти сигары я получил ко дню рождения от Конрада Карловича. Он умеет делать подарки. (*Давая закурить.*) Хорошенько тяните.

Михайлов (*закашлялся*). Духовитая штука! Я, Рудольф Адамович, *некурящий*. Я ее лучше запрячу — у меня один приятель есть, тот — любитель.

Рудольф. Я счастлив, что вы со мной!

Входит Торопов.

Торопов. Здравствуйте, товарищи! Вижу, вам не терпится... Я только что говорил с Конрадом Карловичем, старался его убедить. Валюты в Москве не дают на покупку патента. Резолюция: „Отказать“.

Лукин. Ты у кого был в Москве?

Торопов. Был у кого надо. Сделал все возможное.

Лукин. Завалил дело.

Торопов (*горячо, обиженно*). Я подал докладную записку. Уходил, убеждал... Что еще нужно? Белугой реветь?

Лукин. Драться надо было. Если бы ты хоть одно горячее слово сказал, тебе бы дали валюту. А какой чёрт тебе даст, когда ты в дело не веришь! За резолюцией поехал!

Торопов. Нет, Иван Михайлович. Я в наше дело верю, высоко ставлю проект Конрада Карловича. Но мотор надо еще построить, а в творческие возможности нашего конструкторского бюро, простите, товарищи, пока не верю.

Корнев. Говорить больше не о чем.

Торопов. Энтузиазм, соревнование, творчество масс... Преклоняюсь. Но порывом, напряжением всех сил нельзя работать изо дня в день. Кишка лопнет. Настоящая культура методична, без наших судорог и осечек. Культурные навыки накапливаются исподволь. У Европы нам еще нужно поучиться многому. А сейчас, в наших условиях экспериментировать — безумие. -

Ольга. Все это будет опубликовано — предупреждаю.

Торопов. Мало вы меня крыли! Слова, слова... „Сего числа директор Торопов усомнился в возможности построения социализма в одной стране". Так, что ли?

Лукин. Так. Так уж получается.

Торопов. Скучно! Вот — Конрад Карлович, — спросите, как он смотрит на дело?

Михайлов. Что ж, кабы немец дал нам чертежи, мы бы, пожалуй, справились.

Лукин. Оля, скажи немцу, — ты умеешь.

Ольга (*Блеху*). Конрад Карлович, произошла ошибка. Директор не мог или не хотел. Мы все, восемнадцать тысяч человек, будем ходатайствовать перед Москвой, чтобы вам заплатили. Нам нужно немедленно начать работу. Одно ваше слово сейчас дает стране неизмеримые богатства. Конрад Карлович, благодарность рабочего стоит очень дорого. Мы не забываем добра. У нас длинная память. Конрад Карлович, вы

можете отдать нам чертежи мотора бесплатно?

Пауза.

Блех. Нет.

Пауза.

Коренев. За такое бы „нет“ в девятнадцатом году...

Торопов. Ну, что — видите? В конце концов, он не обязан заниматься благотворительностью.

Михайлов. На нет — и суда нет. Будем справляться самосильно.

Блех. Все основания моему отказу я высказал директору.
(Идет к двери.)

Рудольф. Минуту внимания. Чертежи патента сто девятнадцатого — все, вплоть до секретных — конструкторское бюро получит бесплатно. Сегодня же.

Лукин (Ольге). Что это значит?

Ольга. Подожди, подожди, — я так и думала.

Блех (возвращаясь от двери). Прибавьте к этому подарку — луну и звезды и всех ворон на обоих полушариях.

Рудольф. Конрад Карлович, вы не имеете голоса на совещании. Вы здесь лишний.

Блех (багровея, негромко). Молчать! Молчать, я вам приказываю!

Рудольф. Пускай Блех грозит мне всеми тюрьмами Европы, — я расторгаю с ним договор!

Пауза.

Лукин (Ольге). Какой договор?

Ольга. Слушай, слушай дальше...

Рудольф. Я — хозяин самого себя. Ваши руки обрублены. Я рву договор в клочки...

Блех (громко, Торопову). Меня волнует его душевное

состояние.

Торопов. Странно, странно...

Рудольф *(всем)*. Блех — не инженер, не конструктор, не изобретатель. Все его сто девятнадцать патентов созданы мной. Он купил мой мозг, он приставил себе мою голову. Единственное его гениальное изобретение — наш договор... Блех, Блех, здесь ты ошибся в одной мелочи. Я, купленное тобой, превратилось в тень, в дым, в мираж. Дарю его тебе — мое я. Блех, есть другой путь к раскрытию себя. Другой путь свободы. Спроси у Михайлова...

Михайлов. Чего это?

Рудольф *(пауза; глядит на всех)*. Не верите мне?.. Ах, нужны доказательства! Я его обвиняю. Задайте ему любой технический вопрос. Проверьте. Всему заводу известно — на вопросы отвечаю я.

Блех. Предлагаю всем оставить эту комнату. Я давно предполагал и с болью вижу — психическая неуравновешенность Рудольфа Адамовича требует немедленного вмешательства врача.

Смятение.

Ольга. Неправда.

Рудольф. Что?! Я — сумасшедший?!

Блех. Этого никто не говорит, мой мальчик. Но вам немедленно нужен покой.

Торопов. Товарищи, *идите, идите* отсюда!

Рудольф. Я — сумасшедший? Блех, ты блестящ! Ты неоценен!.. Зачем ты здесь? Поезжай в Европу.

Торопов. Конрад Карлович, вам бы тоже лучше удалиться.

Блех. Да, да, да, я его, видимо, чем-то раздражаю. *(Идет к двери.)*

Торопов. Товарищи, как не понимаете, — ему нужен сейчас покой. Покой. *(Толкает всех к двери.)* Идите, идите! Товарищ Захарова, побудьте с ним. Я позвоню врачу.

Рудольф. Друзья, уходите?

Горопов. Тсс... У нас маленькое заседание.

Михайлов. Семен Семенович, он не сумасшедший.

Горопов. Тихо... *(Выталкивает всех.)*

Торопов, Блех, Михайлов, Лукин и Коренев уходят.

Рудольф *(ходит, останавливается перед Ольгой)*. Ну?

Ольга *(глядит на него)*. Верю.

Рудольф. Какого же я свалил дурака! У меня нет на руках доказательства. КОПИИ договора нет. Единственный экземпляр — у Блеха. Мне никто не поверит. Сумасшедший! *(Бросаясь к двери.)* Я его возьму.

Ольга. Рудольф!

Рудольф. Выплюну в лицо ему всю мою ненависть!

Ольга. Рудольф... Это все—мелочи. Это все—призраки. И Блех, и его договор. Вы — с нами. Пойдемте. В эту минуту миллион людей будет драться за вас, за вашу свободу, за ваше творчество...

Рудольф *(подходит ближе к Ольге, проводит рукой по голове)*. Ольга, Ольга, над моей жизнью — неведомое солнце!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Блеха. Входная дверь в общий коридор, дверь в комнату Анни и дверь на кухню.

Письменный стол, диван, телефон. За окнами февральская выюга.

Блех перед зеркалом снимает галстук и воротничок, надевает байковую куртку Анни, сидя, мрачно смотрит на отца.

Анни. Для чего этот маскарад?

Блех. Маскарад? Я одеваюсь, как все.

Анни. Все знают, что ты носишь воротнички, меховую шубу...

Блех. В служебное время моя шуба и мои белоснежные воротнички увеличивают мой авторитет. Трость, перчатки, сигары, мои башмаки внушают этим дикарям священное

благоговение. Но, когда я иду на общее собрание, я должен казаться „парнем в доску“. Выражение непереводаимо. Что поделаешь! Психология толпы. Русские к тому же болезненно самолюбивы.

А н н и. Нужно потерять всякую гордость — позволить каким-то слесарям копать в твоих, папа, в твоих личных делах. Европейцу идти на суд к русским...

Б л е х. Ты резка, Анни, — у тебя стал портиться характер.

А н н и. Какое тебе дело до общего собрания?

Б л е х. Не скажи. У них это очень серьезно. Если общее собрание постановит снять Рудольфа Зейделя с работы, никакая власть не пойдет против такого решения. Общее собрание — капризная штука. У Рудольфа много друзей. А ты представляешь, — если ему удастся доказать...

А н н и. Ему ничего не удастся доказать. Негодяй! Негодяй!..

Б л е х. Позволь, куда я сунул договор? (*Оцупывает карман.*)

А н н и. Папа, умоляю тебя, не бери с собой!

Б л е х. Да, ты права.

А н н и. Дай сюда. (*Блех дает ей договор, она кладет на стол.*) Спрячу к себе — будет надежнее.

Б л е х. Врачебная экспертиза признала у Рудольфа сильное нервное расстройство. Я не возражаю. (*Смеется.*) У мальчишки свихнулись мозги, — я недостаточно учел его шиллеровский темперамент. (*Кончая одеваться.*) Неотложная задача: это выбить из немецких голов мечту о социальном рае... Ну вот, чем я не „парень в доску"? Я буду говорить без переводчика. Русские всегда приходят в благодушное настроение, когда начинают ломаться на их собачьем языке. Я их немножко посмешу сегодня.

А н н и. Как ты думаешь: Рудольф будет выслан на родину и там предан суду?

Б л е х. Вероятно.

А н н и. Что он получит?

Б л е х. За нарушение контракта — пени в размере причиненного мне убытка, за шантаж — тюрьму.

А н н и. Тюрьму? Хорошо. Пусть поклеит аптекарские

коробочки для пользы человечества.

Блех (*берет за подбородок*). Злючка.

Анни. Он — наш враг. Я всегда ненавидела его руки — жилистые, красные руки голодного хама. О! Я давно чувствовала: именно эти руки поведут его к преступлению. Ненавижу!

Торопов (*входит*). Можно? Я за вами, Конрад Карлович. Пора!

Блех (*тревожно*). А что?

Торопов. Нет, все в порядке. Демагогов мы слегка ущемили. Общее собрание настроено скорее в вашу пользу. Но вам необходимо показаться, бросить несколько слов, — резолюцию проведем почти единогласно.

Блех. Какова может быть резолюция?

Торопов. Душевная ненормальность Рудольфа Адамовича, на этой почве — склочничество, недостойные выпады против вас, необоснованное присвоение авторства...

Блех. Превосходно.

Торопов. Один щекотливый пункт есть, конечно, — договорник его с вами.

Блех. Какой договор? С ума сойти! Еще раз повторяю: расписки. Расписки Рудольфа Зейделя в получении жалованья... (*Показывает из бумажника.*) Триста... вот — опять триста. Договор, именно это — его пункт помешательства.

Торопов. Что мне-то говорить? Это крикуны наши не верят... Ну, пойдемте, пойдемте.

Блех (*Анни*). Главное — не волнуйся, деточка. Вернусь — поедем ужинать. Вот ведь, виолончель забыли взять... (*Торопову.*) Скушает она здесь у вас.

Торопов. Да, насчет развлечений у нас еще не освоено.

Анни. Холодно, Семен Семенович. Такой ветер, снег, — даже сердцу холодно.

Торопов. Да, русская зима.

Анни (*вглядываясь в окно, где ветер взмел снег*). Страшно!.. Я вас провожу. (*Торопов и Блех идут вперед, Анни накидывает*

шаль, зовет в боковую дверь. Говорит по-русски.) Марфуша! Уберите чайную посуду.

Г о л о с М а р ф у ш и. Ладно.

А н н и. Дверь закройте. *(Уходит.)*

М а р ф у ш а *(появляется)*. Ладно. *(Ставит посуду на поднос.)* Уберу и дверь запру, Анна Конрадовна... *(Звонок телефона. Она ставит поднос, берет телефонную трубку.)* Откедова? *(Пауза.)* Откедова? *(Входит Зейдель.)* Откедова? *(Зейделю.)* Спрашивают, не разберу — Задова, что ли?

Р у д о л ь ф. Зейделя, может быть? Рудольфа: Зейделя?

М а р ф у ш а. А мне ни к чему.

Р у д о л ь ф. Вы у них недавно?

М а р ф у ш а. Второй день.

Р у д о л ь ф. Пойдите по коридору — седьмая дверь направо, квартира Зейделя — постучите. Если его нет, поищите в столовой.

М а р ф у ш а. Ладно. Запомню. *(Уходит.)*

Р у д о л ь ф *(берет трубку)*. Ольга? Я сейчас вернусь. Мне нужно взять кое-какие данные... Через две минуты... Понимаю, что важно. *(Вешает трубку, идет к боковой двери.)* Анни! *(Возвращается к столу, глядит на ящик, выдвигает, морщится.)* А все-таки противно... *(Вдруг замечает на столе договор, берет, разворачивает. Быстро стоя пишет, диктуя себе вполголоса.)* „Я взял договор... Я покажу его на общем собрании, чтобы снять с себя все обвинения и все подозрения. После верну, он мне не нужен. Он — тоже один из ваших миражей..." *(Зачеркивает.)*

А н н и *(появляется во входной двери. Видит Рудольфа. Осторожно и быстро вынимает из шубы отца, висящей у двери, револьвер. Подходит к Рудольфу)*. Вор!

Р у д о л ь ф *(вздрогнул, обернулся. Пауза)*. Мы объяснимся позже. Я вернусь.

А н н и *(задыхаясь)*. Положите! Положите, где это лежало!

Р у д о л ь ф. Вернусь и возвращу.

А н н и *(протянув руку)*. Дайте!

Р у д о л ь ф. Анни! Это слишком серьезно.

Анни. Дайте!

Рудольф. К сожалению, нет иного доказательства, что я не лгун и не сумасшедший.

Анни. Дайте!

Рудольф. Чёрт возьми! Мне не нужна эта бумажка,— можете повесить ее в рамочке, когда вернетесь в ваш волшебный замок.

Анни. Отдайте — и убирайтесь к своей девке!

Рудольф. Уверяю вас, Блех все равно будет разоблачен. Обещаю сделать это сегодня, в самой мягкой форме. *(Идет к двери.)*

Анни *(бросаясь между дверью и Рудольфом)*. Вы не уйдете!

Рудольф *(косясь на револьвер)*. Выстрелите вы в меня из этой штуки или позвольте сделать несколько шагов до двери — я кончил работать на Блеха. Оценивайте это, как угодно.

Анни. Предатель!

Рудольф. Блех грозил мне тюрьмой, — на родину я не вернусь. Каждый развлекается по-своему, — правда? Я остаюсь здесь. Помните, вы сами сказали: вы — элегантная женщина из промелькнувшего лимузина. Ну вот, и я снимаю шляпу вслед: прощай, чудесное виденье! За минуты очарования — благодарю.

Анни *(тихо)*. Мерзавец!

Рудольф. Я никогда не обольщался, Анни. Даже в день катастрофы, когда вы были испуганы и несчастны и у меня закружилась голова от ваших духов. Анни, вы же не собираетесь мстить... К чему? У вас есть юмор. Немножко горечи и немножко юмору — и мы легко расстались.

Анни. Омерзительное зрелище! Так шлепнуться в грязь... Хотя вас, видимо, всегда туда тянуло. Ну, давайте!

Рудольф. Плохо, Анни, плохо, когда хозяин грозит оружием, — раб перестает бояться.

Анни. Что куплено, то куплено, хотя бы — жизнь.

Рудольф делает движение к двери. Анни поднимает револьвер.

Рудольф *(болезненно-тихо)*. Анни, не делайте этого.

Анни (*опускает оружие, лицо ее дрожит*). Ты завтра поедешь со мной к пастору. Заставлю тебя надеть перчатки — не видеть твоих рук, не обманывать бога, когда буду венчаться с тобой. Думаешь — отряхнулся, как мокрая собака, от всех обязательств? Будешь, всю жизнь спать со мной, всю жизнь работать на меня!

Рудольф. Чёрт! Стреляйте — меня ждут.

Ольга (*в дверях*). Зейдель, вас ждут. Почему вы ушли с собрания? Блех вас топит.

Рудольф (*торопливо*). Ольга, ступайте, я сейчас... я догоню.

Анни (*расширенными глазами — на Ольгу*). Сообщница!

Рудольф. Ольга ничего не знала. Я один, один.

Ольга (*входя*). Что вы тут за глупости устраиваете, Зейдель?

Рудольф (*Анни*). Возьмите это, ради бога, и помолитесь о моей заблудшей душе. (*Протягивает ей договор. Анни не замечает, смотрит на Ольгу.*) Можно лопнуть от хохота. Пришел взять „право на жизнь" — получился анекдот. (*Бросает договор на пол.*)

Анни (*Ольге*). Вы ошиблись, моя милая. Этот дом не место для вашей профессиональной деятельности.

Ольга (*нахмурившись*). Зейдель, идите на собрание.

Анни. Мой жених останется здесь. А вы — вон! (*Дрожит, сдерживаясь.*)

Ольга. Слушайте: успокойтесь, барышня!

Анни. Проститутка!

Ольга (*ослабевшим голосом*). Ах...

Рудольф. Нельзя так, нельзя! Вы — женщина, Анни...

Анни. Тварь!

Ольга. Постойте, не так страстно. Вы меня не оскорбите. Вы — на другом берегу. Оружием бросьте грозить. Здесь не колония.

Анни. Самая паршивая колония — лучше вашей России! Бандиты, публичные девки — ваша страна... Зараза, чума!

Ольга. Замолчите!

А н н и . Вас всех — за решетку! В вас нужно стрелять, в вас нужно плевать!

О л ь г а . Замолчите! *(Делает резкое движение протеста.)*

Рудольф бросается к Ольге, загораживая от Анни. Анни стреляет. Пауза.
Рудольф идет к дивану и ложится. Анни роняет револьвер. За стеной, по лестнице, испуганный топот ног.

О л ь г а *(подбегает к Зейделю)*. Ранены?

Р у д о л ь ф . Кажется...

А н н и *(трясет кистью правой руки, кричит)*. А!..
(Зажимает рот ладонью, опускается в кресло.)

О л ь г а *(кидается к телефону)*. Ну... ну же... госпиталь!

В комнату вбегает П е т ь к а .

П е т ь к а . Стреляли здесь? Здорово! *(Выскакивает за дверь.)*

Г у л ГОЛОСОВ.

О л ь г а *(в трубку)*. Дежурный врач... Как можно скорее!
Раненый... Не знаю... В сознании... *(Подходит к Зейделю, опускается перед диваном.)* Рудольф... Р у д о л ь ф . Что, мое солнце?

О л ь г а *(осматривая)*. Куда? Здесь? Сюда?.. Нужно все снять.

Р у д о л ь ф . Чего-нибудь острого. Нашатырю. Я не хочу терять сознания.

О л ь г а . Сейчас, сейчас... Я осторожно. *(Снимает с него воротник, расстегивает жилет. Обернувшись.)* Нашатырю!

А н н и *(поднимается, идет шатаясь, как во сне)*. Где-то, помнится, был пузырек с нашатырем...

Р у д о л ь ф . Анни, не шатайтесь, у меня кружится голова.

А н н и . Я постараюсь не шататься, Рудольф. *(Открывает шкаф, ищет.)* Кто-нибудь видел, как это произошло? Я ничего не понимаю... *(Всхлипывает.)* Вот — нашатырь...

Не поворачиваясь от шкафа, протягивает руку. Ольга берет пузырек.

Ольга (*Рудольфу*). Нашатырь...

Рудольф (*нюхая*). Хорошо. Спасибо... Анни, это все чёрт знает как логично... Не нужно плакать.

Ольга (*раскрыв ему рубашку, гневно обернулась к Анни*). Взгляните!

Анни обеими руками закрыла рот.

Входят Петька, Блех и Торопов.

Петька. Я бегу по коридору — как тарарахнет! Я — в дверь. Они — как чумные.

Торопов (*запыхавшись*). В чем дело? Жив... Блех.

Рудольф... Самоубийство?... Бедняга!

Петька (*поднимая с пола револьвер*). Самоубийство не установлено... Чей револьвер? Сознавайтесь.

Блех. Анни...

Торопов. Ведь только что она была с нами. Еще говорила — все зябко ей.

Блех. Анни — случайно? (*Анни мотает головой.*) Он вынудил тебя? Ты защищалась? Бог мой, этого нужно было ожидать!

Входит Лукин.

Торопов. Ребята, дверь-то закрывайте... (*Высовывается в коридор.*) Товарищи, — ничего особенного. Лучше не толпитесь. Все живы. (*Запирает дверь.*)

Петька (*поднимает с пола договор*). Улика!

Торопов. Накачали историю... Конрад Карлович, придется составить акт.

Блех. Анни, кто открывал ящик? Кто здесь рылся?

Петька (*Лукину, показывая бумагу*). Вот — должно быть, этот самый договор... На полу валялся.

Лукин. Покажи, покажи...

Блех (*повышенно*). Здесь был грабеж. Ящик стола взломан. Моя дочь защищала свою жизнь. Рудольф Зейдель, я обвиняю вас...

Ольга. Тише, он теряет сознание.

Пауза. Все, кроме Анни, подходят к Рудольфу.

Блех *(хватает Петьку за руку)*. Это — мое.

Петька. Извиняюсь, не рвите из рук. Прочтем — отдадим.

Блех. Не смей! Это моя личная тайна.

Петька. Гражданин, бросьте психовать. Здесь дело общественное.

Блех. Я не позволю вторгаться! Самоуправство!.. Я буду жаловаться в Москву!

Торопов. Оставьте, ребята. В самом деле — неудобно.

Лукин. Ты прочти, что здесь написано. Волосы встанут дыбом... „Неудобно“!

Петька. На голосование: могу я взять эту бумажонку? Зачитаем на общем собрании...

Торопов. Покажи.

Блех. Семен Семенович, я не для того приехал в Россию, чтобы выворачивать мои внутренности перед массами. Вы — варвары, голубчик, — варвары, впервые взявшие ланцет и микроскоп. Вам бы вскрыть мне череп. Проникнуть в мой мозг. Посмотреть, в какой там извилине прячется моя совесть... Прочь руки! Крыша над моим жилищем — под охраной цивилизации. Я не желаю быть просвещенным. Потемки — мои потемки.

Торопов *(читая)*. „Патент сто девятнадцатый на тех же основаниях выбирается на имя Конрада Блеха...“ Это что такое?

Петька *(Торопову)*. А мы о чем кричали? Эх, куда голову не оторвут, он и рта не разинет!

Хватает у него бумагу. Убегает.

Блех. Требую самыми решительными мерами прекратить незаконность! *(Идет к телефону.)* Я звоню прокурору...

Торопов. Ах, вы — так? Ладно, звони. *(Лукину.)* Да он никакой не изобретатель. Обманул! Весь свет обманул! Я-то за него только что распиался! Из-за границы привез...

Лукин. Серьезно влип, Семен Семенович.

Торопов. Влип, влип... Где у меня глаза были? *(Блеху.)* Вы — шантажист! Это — факт. Ваша дочь стреляла в человека —

это факт. Обоих вас передаю коменданту.

Рудольф (*приподнимаясь*). Анни выстрелила случайно. Ольга Васильевна может подтвердить.

Ольга. Я подтверждаю — выстрел был нечаянный.

Блех (*запирая ящики стола*). Вы ответите также за превышение власти, господин Торопов.

Анни. Я арестована?

Торопов. Пройдем в комендатуру. Составим акт. А уж там — их дело. Анна Конрадовна, идти через двор, — наденьте шубку.

Анни (*вырывает у него шубу. Подходит к Ольге*). Я охотно беру назад все мои слова.

Ольга. Анна Конрадовна, это мелочи. Я серьезно — забудьте.

Анни. Моя жизнь разбита.

Ольга. Анна Конрадовна, это кажется только так: поправитесь — обойдется.

Анни. Я бы хотела меньше страдать.

Рудольф. Деточка, не страдайте, — страдание уродливо. Поезжайте домой, я вам пришлю мою фотографическую карточку.

Анни. Рудольф, Рудольф, я была до конца честной с вами...

Блех (*надевает шубу*). Мне плохо. (*Опирается на Торопова*.) Волнения запрещены моему сердцу. Мне очень плохо.

Анни. Папа!.. (*Кидается к нему*.)

Торопов (*испуганно, Лукину*). Звоните в госпиталь.

Блех. Прошу отвезти меня к нашему консулу. Боюсь, это — конец. Я хочу умереть на клочке родной земли.

Торопов. Хорошо, — к консулу, к консулу... Конрад Карлович, можете дойти до машины?

Блех. Анни, ближе ко мне...

Торопов, Блех и Анни уходят.

Лукин. Вывернулся. Артист!

Ольга (*Лукину*). Пульс больше ста. Весь горит.

Рудольф. Это — от счастья.

Лукин. Хорошенькое счастье — в грудь навылет! Ты не отходи от него, Оля. Его бы надо к тебе перенести. (*Глядит в окно.*) Да, это дело — решенное. Снегу нанесет за ночь...

Входит доктор.

Доктор. Ага... Жив еще? Превосходно. (*Дует на руки.*) Когда это произошло? Нуте, покажите-ка... Ольга. Крови буквально несколько капель...

Доктор осматривает Рудольфа. В дверь врывается Петька.

Петька. Решение общего собрания...

Доктор. Помолчите-ка... (*Ольге.*) Приподнимите его под лопатки.

Ольга (*Рудольфу*). Так — не больно?

Рудольф. Нет, так мне не больно.

Доктор (*Рудольфу*). Обнимите ее за шею, приподнимитесь.

Рудольф (*обнимая Ольгу за шею, приподнимается*). Мне так не больно.

Петька. Общее собрание единогласно...

Доктор. Помолчите-ка... (*Осматривая Рудольфа.*) Превосходно. Потерпите. Еще потерпите. На полсантиметра левее — были бы наповал, голубчик.

Ольга. Доктор, доктор!

Лукин. Да, ловко.

Доктор. Где у вас чернила, перо? Пошлете в аптеку. (*Пишет.*) Немедленно вызовите скорую помощь.

Лукин звонит.

Рудольф. Что постановило общее собрание? Петька. Единогласно — Блеха снять. Техническим экспертом, с передачей всего жалования, назначить

Рудольфа • Адамовича. Немедленно приступить к работе над патентом сто девятнадцатым. Рудольфу Адамовичу предоставить все возможности для творческой работы: кредиты, лаборатории,

инженеров. Дальше там столько наворочено в резолюции, — забыл.

Рудольф. Вы не нарочно радуете меня? Я ведь останусь жив...

Петька. Да холера меня, если... Сейчас принесу! *(Кидается к двери.)*

Рудольф. Я хочу видеть Михайлова.

Михайлов *(просовывая голову во входную дверь)*. Я здесь, Рудольф Адамович.

Ольга *(навстречу входящим)*. Тише, тише! Нельзя всем.

Входят Михайлов, Коренев, Чикин, Забавный.

Коренев. Оля, опасно?

Ольга. Обойдется, может быть.

Доктор *(пишет)*. Заштопаем, заштопаем, починим.

Рудольф. Друзья мои, победили?

Коренев. На собрании — буря. Насилу ребят успокоили.

Рудольф. Я прорвался на ваш берег. Отделался двумя каплями крови. Новый договор с жизнью — подписан. *(Подняв палец, декламирует.)* „Решись, решишь и каплей крови подпишешь“.

Чикин. Я вот тоже в девятнадцатом году четыре пули получил. В сырой день мозжит, действительно, а так — не беспокоит.

Забавный. Рудольф Адамович, в польскую войну меня улан угостил шашкой. Я — брык под коня и оттуда штыком его достал. А у самого голова от уха до уха разворочена. Вот какие раны-то были...

Рудольф *(обхватывает Ольгу за плечи, приподнявшись, смотрит на вошедших)*. Я буду очень много шутить с вами. Покуда я не вырос — я был очень веселый. Мы будем весело делать наше дело.

Доктор *(сердито, вставая от стола)*. Товарищи, сознательные вы или бессознательные?

Михайлов. Уходим, уходим, мамаша. Не серчай... Вы у нас

оставайтесь, Рудольф Адамович. Таких ребят настойчивых и дела такого большого вы нигде не найдете. За границей я, действительно, еще не был. Хвалиться тоже не хочу... Сыро еще у нас... *(Забавный пытается что-то сказать.)* Погоди, Забавный, да® сказать. Но мы вот какие изобретатели: боролись за машину, а завоевали человека. Вот за что патент-то брать!

Занавес

Александр Старчаков

**Победа
Альберта Дюрана**

ПОБЕДА АЛЬБЕРА ДЮРАНА

В сущности слава Альбера Дюрана выросла из его фельетона «Любовник обезьяны», подобно тому, как роскошнокрылая бабочка махаон возникает из серой личинки.

Скандалный фельетон стал трамплином, с помощью которого Альбер Дюран оттолкнулся от тяжелого ремесла уголовного репортера и поднялся в еще недавно недостижимую для него область политической интриги.

Если бы мы взяли на себя утомительный труд и просмотрели номера большего бульварной газеты «Солей», то на пожелтевших, пахнущих тленом страницах, среди сенсационных разоблачений, связанных с пропажей документов в Главном штабе в мае 1920 года, среди хроники светской жизни, где напыщенное описание бала соседствовало с альковными разоблачениям, мы без труда нашли бы фельетон Альбера Дюрана, озаглавленный несколько необычайно даже для такой бесцеремонной газеты, какой являлась «Солей». Как это ни странно, фельетон был направлен против Эрнеста Гуро, профессора университета, скромного ученого, биолога, читавшего тогда еще немногочисленному кругу слушателей курс своих лекций.

В те годы на страницах бульварной «Солей» Альбер Дюран начинал свою блистательную карьеру.

Ярким до слепоты июньским утром гарсон из кафе «Эклер» принес в редакцию «Солей» записку, приглашавшую Альбера Дюрана явиться в кафе между часом и двумя пополудни. Записка принадлежала мелкому чиновнику префектуры, Густаву Эйю. За скромную плату Эйю время от времени снабжал, журналиста материалами, из которых он без особенного труда делал шумную и яркую, как ракета, сенсацию. К двум часам Дюран был в

условленном месте. Казалось, в этот день солнце хотело испелить жителей города. Серые каменные громады домов, асфальт площадей и тротуаров дышали нестерпимым зноем. Над рекой, катившей свои оранжевые, окрашенные нефтью воды, висело голубое марево. С острова в голубоватом чаду, словно руки, умоляющие о пощаде, поднимались в небо сталактиты готического собора. Изнемогая от зноя, люди толпами уходили в пригородные парки и леса в напрасных поисках прохлады. Но палящий жар, вдвойне невыносимый под бесполезным холщевым тентом кафе, не помешал деловой встрече.

— Какой денек, Дюран! Репортеры хорошо заработают сегодня на хронике солнечных ударов...

— В кочегарке «Пасифика» не жарче, дорогой Эйо. Не угодно ли гренадину?

Гарсон, в белом переднике, с безупречным пробором в напмаженных волосах, поставил на стол влажный от холода бокал. Эйо помешал золотой соломинкой кристаллы восхитительного льда и облегченно расстегнул верхнюю пуговицу пуговицу жилета. После паузы, показавшейся Дюрану длинной до неприличия, чиновник многозначительно сообщил:

Донат пойман...

Журналист боз труда разгадал нехитрый маневр собеседника. Из-за такого пустяка, как поимка Доната — подделывателя мелких векселей, Эйо не стал бы искать встречи.

Чиновник хитрил и чего-то не договаривал, желая, по-видимому, разжечь любопытство Дюрана.

— Это блюдо для хроникеров, — равнодушно ответил журналист.

Тогда чиновник навлек из потертого портфеля аккуратно исписанный лист бумаги и, лукаво улыбаясь, протянул его журналисту.

Не будем ссориться из-за мелочей, дорогой Дюран. Что вы можете сказать по поводу этого письма?

Потягивая из бокала благоухающую влагу, Дюран быстро пробежал документ. Уже беглое чтение сказало ему, что в его руки попало сокровище. Глядя куда-то в пространство, он невозмутимо спросил:

— Сколько?

Кончиком влажной соломинки Эйо написал на поверхности мраморного стола цифру.

— 30.

Дюран зачеркнул цифру, написанную Эйо, и вывел соломинкой сверху:

— 10.

— Включая сведения о Донате, — пояснил журналист.

Только из уважения к вашему таланту, Дюран, — сказал чиновник. Дюран аккуратно спрятал документ в свой бумажник, пухлый, как брюхо лавочника.

Это была копия письма, адресованного префекту полиции гражданином Жоселеном, скромно проживавшим в доме № 04 по улице «Семи слепых». В письме своем Жоселен, движимый лучшими чувствами добропорядочного гражданина и верного сына церкви, извещал префекта о том, что проживающий по соседству с ним профессор биологии, Эрнест Гуро, собирается осуществить опыт, который, по мнению Жоселена, является не только преступным, но и кощунственным.

«Глубокоуважаемый господин префект, писал в своем письме Жоселен. Из случайной беседы со старшим прозектором университета мне стало известно, что профессор биологии, Эрнест Гуро желая доказать правоту бессмысленной идеи о животном происхождении рода человеческого, собирается искусственным путем оплодотворить человеческими клетками

самку-обезьяну, по имени Руфь, вывезенную им для этой цели из Суматры. Я знаю холодное равнодушие Республики к вопросам религии, но все же я надеюсь, господин префект, что наше сердце содрогнется при одной мысли о том поругании, которое грозит великому таинству зачатия. Ибо что сможет сказать наша святая церковь, если обезьяна понесет под сердцем своим от человека и станет родоначальницей нового неслыханного племени? С тех пор, как наместник Петра его именем пасет смиренную паству, ничего не предпринималось более кошунственного и недостойного. Опыт Эрнеста Гуро опаснее злоучений ересиархов, пытавшихся запятнать белоснежные ризы церкви. Мне, как католику, — писал в заключительной части своего письма Жоселен, — остается только пожалеть, что времена святейшей инквизиции остались в прошлом. Стражи церкви, великие инквизиторы Торквемада и Арбузе, служившие в трибуналах святому делу спасения человеческих душ, тронутых соблазном, без труда узнали бы в профессоре Эрнесте Гуро слугу дьявола. Я ни на минуту не сомневаюсь, что святейшее судилище инквизиции предало бы профессора Эрнеста Гуро бескровной казни, очистительному пламени костра. Ибо в главе пятнадцатой от Иоанна в стихе шестом сказано: «Такие ветви собирают и бросают в огонь, и они горят». Я верю, что вы оцените по достоинству тот ядовитый соблазн, который несет опыт, подготовляемый профессором Эрнестом Гуро, и властью, предоставленной вам, пресечете в самом начале кровосмесительное и безбожное начинание».

Альбер Дюран оценил по достоинству документ, приобретенный им за скромную сумму. Письмо Жоселена было находкой для «Солей». Документ давал газете еще одну улику против левых. Сирийский банк, оплачивавший большинство публикаций «Солей», мог легко использовать письмо для

кампании против министерства, с которым у банка были старые счета. И, совершенно неожиданно для себя смиренный профессор Эрнест Гуро стал мишенью жестокой газетной атаки.

Вечерний выпуск газеты известил читателей, что завтра жители столицы найдут в «Солей» сенсационный фельетон — «Любовник обезьяны», принадлежащий перу талантливого Альбера Дюрана. День славы: наступил, Огромный фельетон, посвященный опытам профессора Эрнеста Гуро, стал Аустерлицем талантливого журналиста, блестящей победой, вырванной им из рук судьбы. Номер газеты с фельетоном Дюрана читатели брали с боя. В газете портрет Гуро был напечатан рядом с изображением чудовищной гориллы. За три часа тираж газеты вырос в несколько раз. (Скандалный фельетон обвинял профессора в чудовищных грехах, клеймил безбожную науку, подрывавшую основы семьи и церкви и заодно забрасывал грязью министерство, оплачивавшее труды Гуро. «Любовник обезьяны» в этот день был у всех на устах.

До роспуска палаты на летние каникулы оставалось еще несколько дней. Воспользовавшись этим, депутат Жюде от имени католиков внес запрос министру культов о мерах, предпринимаемых им с целью пресечь кощунственный опыт профессора Гуро, порочащий доброе имя страны.

После палящей жары над столицей грохотали электрические грозы. Несмотря на то, что лето уже вступило в свои права, палата давно не видела такого многолюдного съезда, как в день запроса. Кулуары были затоплены человеческим потоком.

В напряженной тишине зала на трибуну поднялся депутат Жюдэ.

— Или церковь и мораль, или обезьяна и социализм, — начал Жюде свой запрос. Левые ответили ему свистом и грохотом пюпитров. На правом крыле аплодировали. Чей-то

женский голос требовал каторги для профессора Гуро. В этот день журналисты, освещавшие работу палаты, зарегистрировали в кулуарах четыре вызова дуэль и одиннадцать пощечин.

Больше других негодовала мадам Бугати, хозяйка политического салона, пользовавшаяся благосклонностью самого министра культов. По четвергам в ее салоне собирались политики, люди литературы и театра, женщины, не слишком дорожившие добродетелью. В салонах мадам Бугати опыт Гуро был встречен единодушным осуждением. Здесь возникла мысль о петиции на имя министра культов. Петиция требовала категорического запрещения опыта.

— У нас не хватит женихов для бедных девушек, — негодовала мадам Бугати. — Я утверждаю это как председательница общества помощи бедным невестам.

— Но ведь речь идет не о браке с обезьяной, — робко пытался защитить профессора Гуро один из гостей мадам Бугати. — Планы профессора не простираются так далеко. Это только научный опыт, попытка искусственного скрещивания...

— Разврат, — капризно утверждала мадам Бугати. — Разврат... О, вы не знаете этих ученых. Личина смирения прикрывает иногда чудовищные страсти.

Слова мадам Бугати прозвучали как приговор, и скромный Эрнест Гуро был единодушно отнесен к числу самых порочных людей, каких только знала история. Тут же был набросан текст петиции на имя министра культов. На следующий день один из юмористических листков поместил текст петиции, снабдив его иронической припиской: «Мадам Бугати боится соперницы».

Весть об опытах профессора Гуро дошла до Рима. Папа счел нужным обратиться с письмом к архиепископу, в котором указывал на необходимость во что бы то ни стало добиться

запрещения опыта. Как это ни странно, папа почти дословно повторял доводы Жоселена с улицы «Семи слепых».

«С того дня, писал папа, как в чистые воды церкви упала полынная звезда неверия, мир не знал еще ереси более соблазнительной и преступной, чем опыт, профессора Гуро».

Министр культов, не желая создавать новых затруднений кабинету, достаточно скомпрометированному пропажей документов из Главного штаба, в личной беседе просил Гуро отложить опыт до лучших дней. Каким-то образом об этой беседе узнала молодежь, и к ужасу Жоселена на улицу «Семи слепых» хлынула толпа пылких обитателей студенческого квартала, устроивших под окнами профессора шумную манифестацию.

— К чёрту попов, да здравствует наука! — кричала молодёжь, высоко подымая к небу пылающие смоляные факелы.

Историограф Франции мог бы без преувеличения сказать, что ближайшие недели были отмечены каким-то своеобразным психозом. Владельцы текстильных фабрик, заказывая художникам рисунки для тканей, требовали во что бы то ни стало обезьяньих сюжетов. Фешенебельные портные, законодатели наряда, отделявали костюмы только мехом обезьяны. В ночных кабаках уже отплясывали модный обезьяний танец...

...В те дни Альбер Дюран был не менее популярен, чем маршал Фош, чьи останки недавно были перенесши под своды Дома инвалидов.

Приложение

**ШОСТАКОВИЧ:
НА «ПЕРИФЕРИИ» ОПЕРНОГО ПУТИ
(НОВОЕ ОБ ОПЕРЕ «ОРАНГО»)
(Отрывки из статьи)**

Сохранившийся Пролог оперы-буфф Д. Д. Шостаковича «Оранго» на либретто А. Н. Толстого и А. О. Старчакова, впервые введенный мною в научный оборот в 2006 году, продолжает интриговать и провоцировать на новые, подчас парадоксальные, умозаключения. Ранее сокрытые документы проливают свет на историю возникновения этого оперного замысла и его историко-биографический контекст; литературные материалы к опере, обнаруженные в фонде А. Н. Толстого, вскрывают жанровую амбивалентность сюжета о человеке-обезьяне и позволяют увидеть его в неожиданно драматическом ракурсе.

Оперу «Оранго», как уже известно, Шостакович начал сочинять в 1932 году к 15-летию Октября.

... в договорах от 17 мая 1932 года первоначально подразумевалась совершенно другая опера на либретто Толстого и Старчакова – «Сын партизана». Её ходульный сюжет (борьба советских учёных со средневековым сознанием алтайской бедноты; противодействие баев при поддержке «зелёных»; переживания и выбор «колеблющейся» учительницы, осознавшей, наконец, преимущества советского уклада жизни и предавшей «заблуждающегося» отца ради светлого будущего) не претендовал на интригу и подлинный драматизм, но зато укладывался в юбилейное клише и полностью отражал тему договора. Очевидно, он был одобрен и принят Большим театром,

иначе Старчаков не приступил бы к детальной работе над первым актом. Но Шостакович, воспользовавшись правом veto, забраковал текст, потребовал замены, и – из небытия, наконец-то, вынырнул «Оранго».

19 июля 1932 года Г. Н. Попов, близкий друг Шостаковича и А. О. Старчакова, записал в своём дневнике: «С 12 июня с Толстым испорчены отношения его <...> поступком: тема трагическо-оперного фарса, обещанная мне по коллективномуговору между мной, Толстым и Старчаковым и найденная Старчаковым в складках его памяти благодаря моей настойчивой агитации за этот жанр, вдруг (!) была продана (!) Большому театру для Шостаковича (!?!), и мне сообщено всё post factum. Ныне: осознав свою подлость, Толстой распространяет слухи о моём якобы отказе писать на эту тему из-за якобы неустраивающих меня сроков».

Оставив в стороне моральную подоплёку ситуации и её щекотливые детали, зададимся вопросом: о каком трагическом фарсе Толстого-Старчакова мог писать Попов в июле 1932 года? Только об «Оранго»! «Сына партизана», во-первых, Шостакович к этому времени уже отверг, и, стало быть, его сюжет был свободен для притязаний Попова, если бы тот пожелал их предъявить. Во-вторых, сюжет «Оранго» действительно был «найден Старчаковым в складках его памяти», а именно – разработан на основе его же раннего рассказа «Победа Альбера Дюрана», опубликованного в 1930 году в авторском сборнике «Особняк на площади». В рассказе идёт речь о хроникёре парижской бульварной газеты Альбере Дюране, которому с помощью осведомителя удаётся проведать о сенсационных опытах учёного-эмбриолога Эрнеста Гуро, намеревающегося оплодотворить мужскими клетками обезьяну Руфь. Скандальный фельетон Дюрана «Любовник обезьяны» произвёл

переполюх среди обывателей, политиков и клерикалов, в результате чего опыты были остановлены, ученый подвергся остракизму, парижский «свет» получил новую пищу для пересудов, лёгкая промышленность обновилась модными обезьяньими аксессуарами, а сам Дюран на гребне скандала сделал блистательную журналистскую карьеру.

О дальнейших событиях мы узнаем из уникального документа – сценарного плана оперы, сохранённого А. Н. Толстым вместе с полным либретто Пролога вопреки трагической судьбе А. О. Старчакова, репрессированного и расстрелянного в 1937 году (соответственно, его творческому наследию была уготована та же судьба – уничтожение и забвение). Начало текста содержит краткое изложение рассказа; продолжение же повествует о том, что...

... Эрнест Гуро всё же проделывает во имя науки свой опыт и отправляет оплодотворенную обезьяну Руфь в Южную Америку к своему другу, Жану Ору. Из писем Ора он *«узнает, что Руфь в положенный срок родила гибрида мужского пола»*. Переписка прервалась с началом первой мировой войны, во время которой Эрнест Гуро и его дочь Рене активно сотрудничают с Барбюссом, Ромен Ролланом и Горьким и *«ведут борьбу с шовинизмом»*.

После окончания войны в дверь Гуро постучал *«коренастый человек, среднего роста, низколобый, длиннорукий, в солдатской шинели и шлеме, насквозь пропахший порохом»*. Сын Руфи, наречённый «Оранго» (от «Ора» и «орангутанга»), через 20 лет вернулся к своему генетическому отцу. Он становится репортёром под началом Альбера Дюрана, ставшего заправилой газетного мира, постепенно добивается успеха с помощью грязных биржевых спекуляций и газетного шантажа и, наконец, занимает место своего патрона.

Оранго уверенно идёт к власти. Ненавидя коммунизм,

«он вдохновляет интервентов и террористов, является инициатором бешеной кампании против Советского Союза. Он определяет общественное мнение, валит министерства. Он заключает союз с Деттердингом. Оранго – законодатель вкусов и мод. Ему подражают. Вместе с политическим влиянием растёт его богатство. Лишь в одном он не удовлетворён – он хотел бы обладать Рене, но она отвечает презрением на его домогательства. Вместе с отцом, членом мировых академий, и своим другом, моряком французского флота, коммунистом, она ведёт деятельную кампанию против гибрида.

Оранго едет в страну Советов. Он видит совершенно новые, непостижимые для него общественные формы, он видит размах созидания. Он возвращается из России ещё более взволнованным, ещё более ненавидящим рабочий класс, коммунизм, Советы. Он женится на русской эмигрантке Зое Монроз – блестящей парижской кокотке. Его газета, его богатство становится орудием международной реакции. И с каждым годом в его лице отчётливее проступают атаквистические черты, он всё более становится похожим на свою мать, Руфь.

Однажды на улице он встречает Рене, преследует её, проникает в жилище профессора и пытается силой овладеть Рене. Во время этой сцены в нём просыпается зверь. Он душит профессора, бесчувственную Рене уносит на руках. Разражается грандиозный скандал, который Оранго напрасно пытается замять. Скандал осложнён тем, что архив профессора становится всеобщим достоянием – обнародуются письма Жана Ора. Следует разоблачение Оранго. Он бросается под защиту католической церкви, становится правоверным католиком и за соответствующую мзду получает отпущение грехов».

На этом текст Старчакова заканчивается, а рукой Толстого сделана заключительная приписка: *«Но – раздражается мировой кризис. Оранго разорён. Папа отказывается от него. Оранго сходит с ума. Он совершенно превращается в обезьяну. Зоя Монроз продаёт его в цирк. Его показывают в клетке...»*. Очевидно, Толстому принадлежала и идея Пролога. Во всяком случае, он сам, своей рукой, написал к нему полное либретто со стихами и диалогами, которое, собственно, Шостакович позднее и положил на музыку. Показанная в Прологе встреча персонажей со своим прошлым, через разыгранную ими «в масках» историю жизни Оранго на фоне мировых катаклизмов, сюжетно смыкалась с эпилогом оперы и позволяла сделать кольцевое обрамление всего сочинения.

"Оранго" это единая рукопись, которую не пришлось собирать по кусочкам. Структурно завершен Пролог или первое действие: в Россию приезжают иностранцы, их развлекают самодельной программой, Весельчак рассказывает про чудеса света и демонстрирует Оранго. В какой-то момент Оранго начинает рычать, вцепляется в волосы одной из присутствующих иностранок и кричит: "Рыжая стерва, порву!". Хор, подобно хору античной трагедии, вопрошает: "Что случилось?". Выясняется, что один из присутствующих иностранцев узнает в Оранго своего сводного сына. Другой своего бывшего ученика, блестящего журналиста, какая-то дама сводного брата. Весельчак говорит: "Давайте расскажем зрителю историю этого человека-обезьяны Оранго: как он появился на свет, что с ним было, как он воевал, как приехал в Советский Союз, что там делал, как был разоблачен, как был выдворен из него, что делал дальше, каким образом был куплен в Гамбурге за 150 долларов и доставлен в Москву в качестве зооэкспоната".

И всё же, несмотря на столь многообещающее начало, трагический фарс-памфлет о политическом взлёте и крахе зарвавшегося гибрида так и не был завершён. События, увы, снова стали развиваться по уже известному плачевному сценарию: либреттисты не написали пьесы, и вопрос о злободневной опере отпал сам собой. Шостакович получил об этом официальное письменное уведомление от 11 октября 1932 года¹, 15 октября проставил, как и положено, личную резолюцию «согласен» и вычеркнул злополучного «Оранго» из списка неотложных дел, лишив современников и потомков оперного шедевра.

В одном из анонсов, напомним, назывался литературный источник оперы: повесть Александра Старчакова «Карьера Артура Кристи». Она пока не обнаружена и, возможно, так и не была написана, хотя её разработанный сюжет нам известен из сценарного плана оперы.

Курсивом выделен текст оригинала.

Ольга Дигонская

Биография
ТОЛСТОЙ,
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
(1882 — 1945)

Алексей Николаевич Толстой родился 29 декабря (10 января н.с.) в городе Николаевске (ныне – Пугачев) Самарской губернии в семье помещика. Детские годы прошли на хуторе Сосновка, принадлежавшем отчиму писателя – Алексею Бострому, служившему в земской управе города Николаевска, — этого человека Толстой считал своим отцом и до тринадцати лет носил его фамилию.

Родного отца, графа Николая Александровича Толстого, офицера лейб-гвардии гусарского полка и знатного самарского помещика, маленький Алеша почти не знал. Его матушка, Александра Леонтьевна, наперекор всем тогдашним законам, оставила мужа и троих детей, и, беременная сыном Алексеем, ушла к своему возлюбленному. В девичестве Тургенева, Александра Леонтьевна была сама не чужда писательству. Сочинения ее — роман «Неугомонное сердце», повесть

«Захолустье», а также книги для детей, которые она печатала под псевдонимом Александра Бостром, — имели значительный успех и были довольно популярны в то время. Матушке своей обязан был Алексей искренней любовью к чтению, которую та смогла ему привить. Пыталась Александра Леонтьевна склонить его и к писательству.

Первоначальное образование Алеша получил дома под руководством приглашенного учителя. В 1897 семья переезжает в Самару, где будущий писатель поступает в реальное училище.

Окончив его в 1901, едет в Петербург, чтобы продолжать образование. Поступает на отделение механики Технологического института. К этому времени относятся его первые стихи, не свободные от влияния творчества Некрасова и Надсона. Толстой начал с подражания, о чем свидетельствует вышедший в 1907 году первый его сборник стихов «Лирика», которого он потом чрезвычайно стыдился, — настолько, что старался о нем даже никогда не упоминать.

В 1907, незадолго до защиты диплома, оставил институт, решив посвятить себя литературному труду. Вскоре он «напал на собственную тему»: «Это были рассказы моей матери, моих родственников об уходящем и ушедшем мире разоряющегося дворянства. Мир чудаков, красочных и нелепых... Это была художественная находка».

После повестей и рассказов, составивших позже книгу «Заволжье», о нем стали много писать (появился одобрительный отзыв А. М. Горького), но сам Толстой был собой недоволен: «Я решил, что я писатель. Но я был неучем и дилетантом...» Еще в Петербурге он, находясь под влиянием А.М.Ремизова, взялся за изучение народного русского языка «по сказкам, песням, по записям «Слова и дела», то есть судебным актам XVII века, по сочинениям Аввакума.. Увлечение фольклором дало богатейший материал для «Сорочьих сказок» и пронизанного сказочно-мифологическими мотивами поэтического сборника «За

синими реками», издав который Толстой решил более стихов не писать.

...В те первые годы, годы накопления мастерства, стоившие Толстому невероятных усилий, чего он только не писал — рассказы, сказки, стихи, повести, причем все это в огромных количествах! — и где только не печатался. Он работал не разгибая спины. Романы «Две жизни» («Чудаки» — 1911), «Хромой барин» (1912), рассказы и повести «За стилем» (1913), пьесы, которые шли в Малом театре и не только в нем, и многое другое — все было результатом неустанного сидения за рабочим столом. Даже друзья Толстого изумлялись его работоспособности, ведь, помимо всего прочего, он был завсегдатаем множества литературных сборищ, вечеринок, салонов, вернисажей, юбилеев, театральных премьер. После начала первой мировой войны он, как военный корреспондент от «Русских ведомостей», находится на фронтах, побывал в Англии и Франции. Написал ряд очерков и рассказов о войне (рассказы «На горе», 1915; «Под водой», «Прекрасная дама», 1916). В годы войны обратился к драматургии — комедии «Нечистая сила» и «Касатка» (1916).

Октябрьскую революцию Толстой воспринял враждебно. В июле 1918 года, спасаясь от большевиков, Толстой вместе с семьей перебрался в Одессу. Такое впечатление, что происходившие в России революционные события совершенно не затронули написанные в Одессе повесть «Граф Калиостро» — прелестную фантазию об оживлении старинного портрета и прочих чудесах — и веселую комедию «Любовь — книга золотая».

Из Одессы Толстые отправились сначала в Константинополь, а затем в Париж, в эмиграцию. Писать Алексей Николаевич не перестал и там: в эти годы увидела свет ностальгическая повесть «Детство Никиты», а также роман «Хождение по мукам» — первая часть будущей трилогии. В Париже Толстому было

тоскливо и неудобно. Он любил не то чтобы роскошь, но, так сказать, должный комфорт. А достичь его никак не удавалось. В октябре 1921-го он снова переезжает, на сей раз — в Берлин. Но и в Германии житье было не из лучших: «Жизнь здесь приблизительно как в Харькове при гетмане, марка падает, цены растут, товары прячутся, — жаловался Алексей Николаевич в письме И.А. Бунину.

Отношения с эмиграцией портились. За сотрудничество в газете «Накануне» Толстого исключили из эмигрантского Союза русских писателей и журналистов: против голосовал один лишь А.И. Куприн, И.А. Бунин — воздержался... Мысли о возможном возвращении на родину все чаще овладевали Толстым. В августе 1923 года Алексей Толстой вернулся в Россию. Точнее, в СССР. Навсегда.

«И сразу же впрягся в работу, не давая себе никакой передышки»: в театрах без конца ставились его пьесы; в Советской России Толстой написал и одну из лучших своих повестей «Похождения Невзорова, или Ибикус» и завершил начатый еще в Берлине фантастический роман «Аэлита», наделавший немало шума. К фантастике Толстого в писательских кругах отнеслись с подозрением. «Аэлиту», так же как вышедшие позднее утопический рассказ «Голубые города» и авантюрно-фантастический роман «Гиперболоид инженера Гарина», написанный в духе популярного тогда «красного Пинкертона», не оценили по достоинству ни И.А. Бунин, ни В.Б. Шкловский, ни Ю.Н. Тынянов, ни даже дружественный К.И. Чуковский. А Толстой с улыбкой делился со своей женой, Натальей Крандиевской: «Кончится дело тем, что напишу когда-нибудь роман с привидениями, с подземельем, с зарытыми кладями, со всякой чертовщиной. С детских лет не утолена эта мечта... Насчет привидений — это, конечно, ерунда. Но, знаешь, без фантастики скучно все же художнику, благоразумно как-то... Художник по природе — враль, вот в чем дело!» Прав оказался

А.М. Горький, который сказал, что «написана «Аэлита» очень хорошо и, я уверен, будет иметь успех». Так оно и вышло. Возвращение Толстого в Россию вызвало самые разные толки. Эмигранты сочли этот поступок предательством и сыпали по адресу «советского графа» страшными проклятиями. Большевиками же писатель был обласкан: со временем он сделался личным другом И.В. Сталина, постоянным гостем на пышных кремлевских приемах, был награжден многочисленными орденами, премиями, избран депутатом Верховного Совета СССР, действительным членом Академии Наук. Но социалистический строй не принял, скорее, приспособился к нему, смирился с ним, а потому, как и многие, часто говорил одно, думал — другое, а писал — совершенно третье. Новые власти не скупились на подарки: у Толстого было целое поместье в Детском Селе (как и в Барвихе) с роскошно обставленными комнатами, два или три автомобиля с личным шофером. Писал он по-прежнему много и разно: без конца дорабатывал и перерабатывал трилогию «Хождение по мукам» и тогда же вдруг взял да и подарил детям так полюбившуюся им деревянную куклу Буратино — пересказал на свой лад известную сказку Карло Коллоди о приключениях Пиноккио. В 1937 году сочинил «просталинскую» повесть «Хлеб», в которой поведал о выдающейся роли «отца народов» при обороне Царицына в годы Гражданской войны. И до последних дней трудился над своей главной книгой — большим историческим романом об эпохе Петра Великого, замысел которого возник, возможно, еще до революции, во всяком случае, уже в конце 1916-го, а в 1918-м появились такие рассказы, как «Наваждение», «Первые террористы» и, наконец, «День Петра». Прочтя «Петра Первого», даже угрюмый и желчный Бунин, строго судивший Толстого за его понятные человеческие слабости, пришел в восторг. Великая Отечественная война застала Алексея Толстого уже известным писателем в возрасте 58 лет. Во это время он часто

выступает со статьями, очерками, рассказами, героями которых были люди, проявившие себя в тяжелых испытаниях войны. И все это — несмотря на прогрессирующую болезнь и связанные с ней поистине адские муки: в июне 1944-го врачи обнаружили у Толстого злокачественную опухоль легкого. Тяжелая болезнь не дала ему дожить до конца войны. Он умер 23 февраля 1945 в Москве.

**СТАРЧАКОВ,
АЛЕКСАНДР ОСИПОВИЧ
(1919 — 1937)**

Старчаков Александр Осипович, 1893 г. р., уроженец г. Киев, еврей, член ВКП(б) в 1919-1936 гг., литератор, член Союза писателей, зав. Лен. отделением редакции газеты "Известия", проживал: г. Детское Село, ул. Коммунаров, д. 19, кв. 8. Арестован 4 ноября 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Ленинград 19 мая 1937 г. приговорен по ст. ст. 58-8-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 20 мая 1937 г.

Библиография

А.Толстой, А. Старчаков: Патент 119: Пьеса в 4 д., 5 картинах. - Л.. - М.: ГИХЛ, "Образцовая" тип. в Мск., 1933.

Старчаков А.О.: Особняк на площади. - М.: Изд. О-во "Огонек", 1930. – (Биб-ка "Огонек" ; № 530).

На обложке фрагмент картины Титаренко А.М., Титаренко Т.П. «Рационализаторы». 1976 г.

Оглавление

Патент 119	4
Победа Альберта Дюрана	75
Приложение	83
Биография	90
Библиография издания	96

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛП

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

LEO

98